

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
Юридический институт

кафедра Теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

_____

_____

« ____ » _____ 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Теория и практика привлечения к юридической ответственности
должностных лиц за международные преступления

тема

40.04.01 Юриспруденция

код и наименование направления

40.04.01.10 Технологии профессиональной юридической деятельности

код и наименование магистерской программы

Научный руководитель

_____

подпись, дата

к.ю.н., доцент

_____

должность, ученая степень

И. Д. Мишина

_____

инициалы, фамилия

Выпускник

_____

подпись, дата

А. А. Астальцев

_____

инициалы, фамилия

Рецензент

_____

подпись, дата

_____

должность, ученая степень

В. О. Выборова

_____

инициалы, фамилия

Красноярск 2021

АННОТАЦИЯ

Магистерская диссертация направлена на изучение теории и практики привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления. В исследовании проведен анализ и определена взаимосвязь понятий социальная ответственность, юридическая ответственность, юридическая ответственность должностных лиц за международные преступления, должностное лицо, иммунитет *ratione personae*, иммунитет *ratione materiae*.

В рамках диссертационного исследования раскрыты сущностные характеристики юридической ответственности должностных лиц за международные преступления, проведён анализ практики международных трибуналов и Международного уголовного суда, посвящённой теме исследования.

Ценность данной работы заключается в комплексном подходе к изучению юридической ответственности должностных лиц за международные преступления на стыке общей теории государства и права и международного публичного права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, социальная ответственность, юридическая ответственность должностных лиц за международные преступления, должностное лицо, иммунитет *ratione personae*, иммунитет *ratione materiae*, возмездие, устрашение, юрисдикция международных трибуналов, наднациональность, комплементарность, исключительная юрисдикция, параллельная юрисдикция, суд *ad hoc*, Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде, Международный уголовный суд.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
_1 Теоретические аспекты привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления	8
_1.1 Юридическая ответственность как социально-философская и правовая категория	8
_1.2 Институт юридической ответственности и субинститут юридической ответственности должностных лиц за международные преступления: понятие, соотношение	24
_1.3 Возмездие и устрашение как цели применения наказания: связь философских теорий и позиций международных трибуналов.....	38
_1.4 Должностные лица, привлекаемые к юридической ответственности.....	51
2 Привлечение к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.....	63
_2.1 Юрисдикция международных трибуналов, стороной в которых выступают физические лица.....	63
_2.2 Процессуальные аспекты привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	91

ВВЕДЕНИЕ

В условиях существования правового государства и гражданского общества возрастает роль и значение юридической ответственности субъектов публичного права, что способствует воплощению в жизнь идеи подчинения государства праву. Превращение государства в инструмент служения обществу, расширение круга субъектов, участвующих в реализации функций государства, требует новых подходов к формированию института юридической ответственности должностных лиц, который нуждается в нормативной унификации и системном применении во взаимосвязи с другими видами социальной ответственности и правовыми категориями.

Актуальность темы исследования обусловлена ценностью социального назначения государства, осуществляющего свои функции через представительство субъектов публичного права, которые претворяют в жизнь провозглашённые идеалы, регулируют общественные отношения. Даже при наличии материальных, финансовых и иных ресурсов, развитости правовой системы должностные лица могут совершать международные преступления, что наносит урон не только отдельному государству, но в некоторых случаях и мировому сообществу в целом.

Особую важность представляет вопрос понимания ответственности как социально-философской и правовой категории. Учитывая специфику привлечения должностных лиц государств к ответственности за международные преступления, необходимо определить соотношение между институтом юридической ответственности и субинститутом юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

Закономерно научную значимость представляет анализ аспектов привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления, а также вопросы несения наказания, соответственно. Одна из дискуссионных тем – природа данного вида

ответственности – вызвана дефицитом внимания к разработке и изучению ее аксиологических и правовых аспектов.

Вопросы теории и практики привлечения к ответственности являются предметом изучения многих ученых. Теоретическая база исследования представлена трудами как отечественных (С. В. Глотова, Н. А. Жукова, М. Л. Костенко, М. И. Байтин, С. С. Алексеев, Б. В. Здравомыслов, О. С. Иоффе, А. Р. Каюмова, Е. С. Кордюкова, Д. А. Липинский, Р. Л. Хачатуров и др.), так и зарубежных (G. Boas, J. Bentham, R. Cryer, A. Duff, T. Farer, V. Ferencz, Н. Hart, C. Jalloh и др.) авторов.

Настоящее исследование выполнено на стыке общей теории государства и права и международного публичного права. Основу исследования составляют положения уставов международных уголовных трибуналов, Статута Международного уголовного суда, решений трибуналов, актов ООН, законодательство Российской Федерации, а также монографии и научные статьи, которые отражают вопросы философии и теории юридической ответственности, теории и практики привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

Цель диссертационного исследования заключается в изучении философских, социальных, общетеоретических аспектов юридической ответственности, а также теоретических и практических аспектов юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

Достижение данной цели требует решения следующих задач:

1) провести сравнительный анализ концептуальных основ понимания юридической ответственности как социально-философской и правовой категории;

2) обосновать статус юридической ответственности как института права и юридической ответственности должностных лиц за международные преступления как субинститута права, определить соотношение данных категорий права;

3) раскрыть понятие, содержание категорий «должностное лицо» и «юридическая ответственность»;

5) провести анализ философских концепций по вопросу целей наказания и сравнить их с позицией международных трибуналов;

6) проанализировать порядок привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления, процессуальные гарантии должностных лиц.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе привлечения должностных лиц к юридической ответственности. Предметом исследования выступают позиции учёных-правоведов о природе и понятии юридической ответственности, о должностных лицах как разновидности субъектов юридической ответственности; решения международных трибуналов, касающиеся вопросов теории и практики привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

Научная новизна работы выражается в комплексном подходе к исследованию проблемы теории и практики привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления, выполненном в рамках общей теории государства и права и международного публичного права. Для сравнительного и всестороннего анализа приводятся решения международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда, а также научные взгляды отечественных и зарубежных учёных-правоведов. В диссертационном исследовании сформулированы критерии для определения круга должностных лиц, которые пользуются персональным иммунитетом. С позиции теории государства и права впервые исследуется правовая природа юридической ответственности должностных лиц за международные преступления. Также в рамках проведённого исследования определена взаимосвязь философских позиций по вопросу целей наказания с целями, преследуемыми международными трибуналами и Международным уголовным судом.

Структура данной работы обусловлена её содержанием и представлена введением, основной частью, состоящей из двух глав, заключением и библиографическим списком.

1 Теоретические аспекты привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления

1.1 Юридическая ответственность как социально-философская и правовая категория

Юридическая ответственность выступает одной из основополагающих категорий юриспруденции, основой правоохранительной и правоприменительной деятельности. Понятие «ответственность» эволюционирует уже на протяжении более ста лет, тем не менее единый подход к дефиниции, принципам и признакам данной категории отсутствует. За этот период времени сформировалась неоклассическая концепция «социальной ответственности»¹. «Проблема юридической ответственности в системе социальной ответственности исторически является «вечной». Если в прошлом ее решение в юриспруденции носило прикладной характер, то на современном этапе развития общества она приобрела методологическое значение, а в перспективе станет мировоззренческой», - указывали учёные-правоведы Р. Л. Хачатуров и Д. А. Липинский². Таким образом, закономерным представляется анализ «социальной ответственности» как философской категории, юридической ответственности как правовой категории, а также, учитывая специфику данного исследования, правовой природы юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

Анализ понятия социальной ответственности необходимо начать с указания на то, что с позиций классической философии ответственность в основном анализировалась опосредованно с использованием таких этических категорий, как мораль (нравственность), долг, добро и зло, свобода и необходимость.

---

¹Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. Санкт-Петербург : Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 50.

²Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности. С. 51.

Аристотель рассматривал социальную ответственность с точки зрения аретологии - раздела этики и нравственного богословия, изучающего добродетель. Аристотель полагал следующее: должное воздается как доброжелательному, так и недоброжелательному. Аристотель не использовал специального понятия «ответственность», но, описывая отдельные аспекты произвольности и виновности, он достаточно полно раскрывает понятие ответственности. Так, в книге третьей «Никомаховой этики» указал, что «в нашей власти совершать, точно так же, как и не совершать, прекрасные и постыдные поступки [и если поступать так или иначе]»³. По мнению Аристотеля, человек по своей воле определяет порядок собственных действий и в соответствии с этим предполагает определенное отношения обществу к нему⁴. Таким образом, ключевым фактором является информированность человека об сущности своих действий и требований, которые к нему предъявляются.

С точки зрения изучения института социальной ответственности научный интерес представляют работы Иммануила Канта, который уже в восемнадцатом веке использовал категории «ответственный» и «ответственность». Значение данных категорий заключалось в следовании категорическому императиву и абсолютному нравственному закону. Философ указывал, что «человек ответственен за человечество в своем лице»⁵.

Если обратиться к общеизвестной триаде английского философа, представителя эмпиризма и либерализма Дж. Локка «сознание - свобода - выбор», согласно которой в основе свободы лежит активная способность (сила) ума осуществлять выбор, то можно сделать вывод о том, что ответственность за поведение лежит прежде всего на человеке. Человек должен обладать силой следовать за велениями ума, реализовать его выбор, проявить себя вовне. Локк заявляет, что свобода есть «сила человека совершить какое-нибудь отдельное действие или воздержаться от такового, согласно тому, что предпочитает ум в

---

³Аристотель. Никомахова этика. Собрание сочинений в 4-х томах: Том 4. Москва: Мысль, 1983. С. 5.

⁴Аристотель. Никомахова этика. С. 55.

⁵Кант, И. Основы метафизики нравственности. Сочинения в 6-ти томах: Том 4. Москва : Мысль, 1965. С. 478.

данный момент – совершить его или воздержаться от него, а это всё равно что сказать: согласно тому, как сам человек этого хочет»⁶.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сказать о том, что институт ответственности предполагает именно действия человека. Именно человек анализирует существующие в социуме отношения, формирует собственное поведение на основе существующей ситуации в обществе.

Данная позиция коррелируется и с точкой зрения Е. Н. Лисанюка, который говорит о том, что ответственность представляет собой «требование или обязательство действующего лица быть рациональным в своем поведении, потому что, с одной стороны, это своего рода требование рационального обоснования своих действий, а с другой — готовность и способность действующего лица такое обоснование представить»⁷.

Является очевидным тот факт, что управление собственным поведением лицо осуществляет с помощью воли. Воля — это способность сознательно управлять своей жизнью, а ответственность — это способность влиять на ход событий, своих поступков. Человек, анализируя человеческие отношения, может изменять ход событий в будущем, учитывая ошибки прошлого. Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что ответственность может быть как за уже свершенные деяния, так и за те, которые еще не свершены. Таким образом, представляется возможным рассматривать «ответственность» в двух формах: «ретроспективная» ответственность - ответственность за уже свершенное деяние, которое нарушает социальные нормы, и ответственность, направленная в будущее – «позитивная» или «проспективная».

Следует отметить, что «позитивная» ответственность положительна, т.е. направлена на свершение поступков, которые не нарушают социальных норм, и, следовательно, «чем выше уровень ответственности в активном смысле (ответственность в положительном смысле), тем больше соблюдаются

---

⁶Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. Москва: Мысль, 1985. С. 125.

⁷Лисанюк, Е. Н. Ответственность и идентичность субъекта // Субъективность и идентичность / Отв. ред. А.В. Михайловский. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 275.

социальные нормы, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном аспекте (пассивная, отрицательная ответственность)»⁸.

По нашему мнению, научный интерес представляет определение данное В. П. Тугариновым, который указал, что «ответственность – это способность человека предвидеть результаты своей деятельности и определять ее, исходя из того, какую пользу или вред она принесет обществу»⁹. Данная позиция коррелируется с позицией правоведа Р. Л. Хачатурова, который поддерживает данное определение, однако указывает, что следует учитывать не только способность предвидеть человеком последствия свершенных им действий, важно также осознавать возможность последствий. «Способности предвидеть еще недостаточно для ответственности... можно быть способным предвидеть, но не осознавать и не предвидеть, и в то же время, можно не предвидеть, но нести ответственность»¹⁰. Учитывая данное замечание Р. Л. Хачатуров предложил следующее определение социальной ответственности: «Специфическое свойство общественного отношения, которое проявляется в деятельности человека и выражается в осознании или возможности осознания им социально-значимых последствий свершения того или иного поступка»¹¹.

По нашему мнению, данное определение наиболее полно раскрывает содержание социальной ответственности, так как оно учитывает особенности её наступления за совершённые и несовершённые деяния, а также включает такие важных составляющих как осознание или возможность осознания субъектом социально-значимых последствий.

С точки зрения этики и права ответственность рассматривается как категория, характеризующая особенности выполнения личностью нравственных требований, предъявляемых обществом или, иными словами, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу в форме выполнения своего нравственного долга и правовых норм.

---

⁸Хачатуров, Р. Л. Юридическая ответственность: монография / Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Агютян. Тольятти, 1995. С. 11.

⁹Тугаринов, В. П. Личность и общество: монография / В. П. Тугаринов. Москва : Мысль, 1965. С. 52.

¹⁰Хачатуров, Р. Л. Юридическая ответственность. С. 12.

¹¹Там же.

Более того, считаем важным отметить, что ответственность — это еще и «интеллектуальная и физическая готовность субъекта к реализации (или воздержания от) совокупности действий, могущих потребоваться вследствие выполнения (или невыполнения) данным субъектом некоторых других действий»¹².

Как было указано ранее, ответственность всегда связана с личностью, с тем, как она определяет собственное поведение и/или несёт ответственность за уже совершённые действия. Учитывая данное положение, под личностной ответственностью представляется верным понимать взятые личностью обязательства отчитываться о каких-либо своих действиях перед самим собой и внешними инстанциями ответственности, принимать на себя вину и другие санкции за возможные их последствия, прогнозировать последствия своих действий.

Как указывал советский и российский философ А. Г. Спиркин, ответственность раскрывается через способность лица предвидеть результат своих действий, осознание обязанностей перед людьми (чувство долга), способность придерживаться установленных социумом поведенческих рамок¹³. По нашему мнению, в социальном плане ответственность — это, прежде всего, умение брать обязательство, вступая в общественные отношения.

Таким образом, учитывая вышесказанное, мы предполагаем возможным сделать вывод, что социальная ответственность, во-первых, это личностная характеристика человека, которая включает в себя как способность должным образом проводить анализ ситуации, которая сложилась в данный момент в обществе, во-вторых, заблаговременно предвидеть последствия (проспективная ответственность) за действия или бездействие, в-третьих, определять то, каким образом человек поступит в данной ситуации с готовностью принять последствия выбора, как свершившиеся факты действительности, и наконец в

---

¹²Лисанюк, Е. Н. Ответственность и идентичность субъекта С. 276.

¹³Спиркин, А. Г. Сознание и Самосознание : монография / А. Г. Спиркин. – Москва: Издательство политической литературы, 1972. С. 290; Тугаринов, В. П. Личность и общество: монография / В. П. Тугаринов. Москва : Мысль, 1965. С. 52.

случае наступления неблагоприятных последствий иметь волю претерпеть предусмотренные санкции, которые включают в себя санкции безопасности, восстановления (компенсации) и наказания¹⁴.

Общие черты социальной ответственности и юридической ответственности можно выделить на основании функций и принципов. Многие авторы выделяют следующие функции социальной и юридической ответственности: регулятивную, превентивную, карательную, восстановительную, воспитательную¹⁵.

Представляется верной позиция, что «соотношение между социальной и юридической ответственностью можно представить как диалектическую связь общего и частного; соотношение рода и вида»¹⁶. Юридическая ответственность как вид социальной ответственности включает в себя идеи гуманизма и справедливости, которая выступают в качестве общечеловеческой ценности и основывается на них, но одновременно ввиду ее формальной определенности она исходит и из принципов индивидуальности, законности, виновности и неотвратимости деяния¹⁷.

В науке наличествует множество понятий юридической ответственности. Например, М. Б. Смоленский и Г. А. Борисов говорят о том, что «юридическая ответственность — это применение мер к правонарушителю государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической нормы»¹⁸. Н. И. Матузов Н.И., А. В. Малько говорят о том, что юридическая ответственность представляет собой «необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные

---

¹⁴Щедрин, Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н. В. Щедрина ; Сиб. федер. ун-т. Красноярск : СФУ, 2010. С. 125.

¹⁵Липинский, Д. А. Общая теория юридической ответственности. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Липинский Дмитрий Анатольевич. Самара. 2004. С. 178; Трофимова, М. П. Функции юридической ответственности. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Трофимова Марина Павловна. Саратов. 2000. С. 6-7.

¹⁶Липинский, Д. А. Понятие юридической ответственности // юридическая ответственность: история и современность: монография / А. А. Гогин и др. отв. ред. Д. А. Липинский. Тольятти : ТГУ, 2002. С. 28.

¹⁷Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Мироненко Михаил Борисович. Саратов, 2001. С. 6-8.

¹⁸Смоленский, М. Б. Теория государства и права. / М. Б. Смоленский, Г. А. Борисов. Москва : Феникс, 2012. С. 136.

отрицательные последствия; или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ»¹⁹.

В юриспруденции феномен ответственности часто исследуется лишь под ракурсом наказуемости. Подобный односторонний интерес и соответственно последующая реализация на практике приводит к деформациям в сфере регуляции социальных отношений. В данном вопросе мы согласны с В. А. Тарховым, который отметил, что «основной недостаток большинства определений — их односторонность, невозможность охвата ими различных случаев ответственности во всех отраслях права, что необходимо для общетеоретических определений»²⁰.

Как уже было сказано ранее, ответственность делится на «проспективную» или «позитивную» и «ретроспективную» или «негативную».

Мысли о позитивной юридической ответственности были заложены Г. Гегелем, который в своих размышлениях пришел к выводу, что есть необходимость законодательно закрепить термины «преступление» и «наказание», причем определения должны были быть «позитивными» — то есть не нести какой-либо угрозы и запугивания для человека в своей трактовке²¹.

Г. Кельзен сформулировал определение юридической ответственности следующим образом: «обязанность индивида вести себя определенным образом, если его противоположное поведение обуславливает акт принуждения в качестве санкции (меры воздействия)»²².

Одним из аргументов сторонников ретроспективной ответственности является то, что в нормативных актах РФ под юридической ответственностью подразумевается обязанность субъекта претерпевать имущественные и иного вида лишения. На самом деле, анализ законодательства позволяет выделить и

---

¹⁹Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов, А. А. Воротников, В. Л. Кулапов ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юр. Норма, 2017. С. 200.

²⁰Тархов, В. А. Понятие юридической ответственности / В. А. Тархов // Правоведение. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 35.

²¹Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель ; переводчик Б. Г. Столпнер. Москва : Издательство Юрайт, 2019. С. 158-159.

²²Хачатуров, Р. Л. Юридическая ответственность. С. 50.

проявления позитивной юридической ответственности. Представляется, что позитивная юридическая ответственность государств представлена в международном праве. Ее сущность состоит в исполнении обязанности всех субъектов международно-правовых отношений действовать таким образом, чтобы нормы и принципы международного права претворялись в жизнь. Устав ООН в своих статьях закрепляет, что члены ООН «возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» и «несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления»²³. Это означает, что государства-члены ООН добровольно принимают на себя такие обязанности, как обеспечение мирного взаимодействия между государствами и управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, и обязуются их исполнять теми способами, которые считают возможными. Таким образом, государства сами в силу своих возможностей могут в той или иной степени исполнять эти обязанности, так как определённые требования по их исполнению отсутствуют и не являются необходимыми в силу сущности позитивной обязанности. Главное в позитивной ответственности государств заключается в том, что она представляет собой взаимную ответственность всех государств, носит постоянный характер и выражается в правомерном поведении, направленном на поддержание и укрепление международной безопасности и мира.

Наличие перспективной юридической ответственности находит своё отражение и в национальном праве Российской Федерации. Например, в статье 2 Конституции Российской Федерации указано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства»²⁴. Данное

---

²³Устав Организации Объединенных Наций (принят 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами", Вып. XII, Москва, 1956, с. 14 – 47.

²⁴Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

положение Конституции РФ устанавливает следующее: государство обязуется выстраивать свою деятельность таким образом, чтобы признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан. Государство берёт ответственность за действия, которые только будут им совершаться. Таким образом, государство берёт ответственность не только за действия, совершённые в прошлом (сущность негативной ответственности), а за действия, которые только будут совершаться (сущность проспективной ответственности). Данную мысль подтверждает позиция В. В. Романовой, которая указывает, что «юридическую ответственность государства, как и юридическую ответственность любого иного субъекта, следует понимать в единстве негативного и позитивного аспектов. Негативный аспект реализуется в случае совершения правонарушения как самим государством, так и его органом государственной власти или должностным лицом. Позитивный аспект означает обязанность государства соблюдать и защищать права и законные интересы физических и юридических лиц»²⁵. Перечень того, как государство может исполнять данную позитивную обязанность, обширный. Важными в данном вопросе являются как судебные, так и несудебные формы обеспечения и защиты прав и свобод человека, к которым относятся деятельность общественных организаций, третейского суда, медиация, деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, возможность обращаться к международным средствам судебной и несудебной защиты. Государство не только берет на себя ответственность за признание, соблюдение, защиту, а также за создание условий для субъектов прав и свобод действовать в рамках своих возможностей.

Также следует указать на п. 1 ст. 1055 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет, что «лицо, объявившее публично о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды (о выплате награды) тому, кто совершит указанное в объявлении правомерное действие в указанный в нем

---

²⁵Романова, В. В. Юридическая ответственность государства / В. В. Романова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 28.

срок, обязано выплатить обещанную награду любому»²⁶. Кроме того, согласно статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, веществ или их аналогов, а также с незаконными приобретением, хранением, перевозкой таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление²⁷. Кроме того, статья 191 Трудового кодекса Российской Федерации закрепляет следующее: «Работодатель поощряет работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности (объявляет благодарность, выдает премию, награждает ценным подарком, почетной грамотой, представляет к званию лучшего по профессии).²⁸» Представляется, что позитивная юридическая ответственность представлена в Федеральном законе N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации". Часть 7 статьи 28 Федерального закона N 273-ФЗ закрепляет положение, согласно которому образовательная организация несёт ответственность за «качество образования своих выпускников»²⁹. Это означает, что, принимая на себя данную обязанность, образовательная организация может добровольно предпринимать те или иные действия, которые приводят к улучшению качества образования выпускников. Например, в одних школах производится деление на профильные классы, в других - вводится система, в

---

²⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон Российской Федерации от 16 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 06 фев.

²⁷Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июн.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

²⁸Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 30 дек.2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

²⁹Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 08 дек. 2020 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 дек.

которой ученики выбирают количество учебных часов для того или иного предмета, достаточное для качественного усвоения материала и сдачи единого государственного экзамена. Неотъемлемой составляющей образования детей является участие родителей в их обучении. Статьи 43, 44 Федерального закона N 273-ФЗ закрепляют перечень обязанностей родителей, составляющий основу позитивной юридической ответственности. Например, родители обязаны «заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка»³⁰. Данное положение означает, что родители имеют право самостоятельно определять то, как они будут исполнять эту обязанность, в каком возможном объёме они смогут участвовать в том, чтобы заложить основы развития ребёнка. Например, одни родители отправят ребёнка в музыкальную школу, спортивную секцию, другие – будут заниматься им самостоятельно, развивая в нём те или иные навыки. Таким образом, закон обязывает лиц совершать те или иные действия для развития ребёнка, закрепляет то, что родители и различные образовательные организации не должны соизмерять собственное поведение, руководствуясь лишь только нормами, закрепляющими наказание за неисполнение тех или иных предписаний.

Интересной представляется позиция Е. А. Цишковского, который утверждал, что на самом деле и позитивная и негативная юридическая ответственность ретроспективны, т.к. обе наступают тогда, когда правовое деяние уже совершено³¹. Автор говорит о следующем различии в данных видах ответственности: «за позитивную юридическую ответственность субъект поощряется за поведение, квалифицируемое как заслуга, а правоотношение, в котором он участвовал, продолжает беспрепятственно осуществляться»³².

В данном случае нельзя согласиться с позицией, что «субъект не может нести юридическую ответственность за поведение в будущем», потому как

---

³⁰Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 08 дек. 2020 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 дек.

³¹Цишковский, Е. А. Юридическая ответственность в правомерном поведении / Е. А. Цишковский // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2009. № 4. С. 5.

³²Там же.

человек имеет возможность спрогнозировать последствия, которые наступят в случае его возможного поведения. Таким образом, человек просчитывает возможные варианты своего поведения и возможные последствия такого поведения, а затем, определяя своё поведение в соответствии с предписаниями субъекту необходимо принять решение, которое не нарушит и не выйдет за рамки допустимого законом и, таким образом, не повлечет за собой последствий, которые могут выразиться в соответствующих санкциях со стороны государства. В данном случае и имеет место быть ответственность без правонарушения.

По нашему мнению, задача позитивной юридической ответственности заключается в формировании добровольного правомерного поведения без применения мер принуждения. Нашу мысль подтверждает определение «ответственности», согласно которому ответственность представляет собой «отношение зависимости человека от чего-либо, воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему»³³. Представляется верным позиция Р. Л. Хачатурова, согласно которой оба вида ответственности тесно связаны между собой, и чем выше уровень ответственности в активном смысле (ответственность в положительном смысле), тем больше соблюдается социальные нормы, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном смысле (пассивная, отрицательная ответственность)³⁴. А. С. Бондарев, характеризуя юридическую ответственность исключительно с позиции позитивной ее формы реализации считает, что юридическая ответственность является сугубо личностным ценным правовым свойством субъектов права, и дает следующее определение: «юридическая ответственность есть способность (знание, умение, осознанная воля) субъекта права своевременно определять вид и меру своих субъективных юридических обязанностей перед правомочными

---

³³Степин, В. С. Новая философская энциклопедия из 4 книг. Книга 3. / В. Степин, А. Гусейнов. Москва: Мысль, 2010. С. 171.

³⁴Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности. С. 50.

лицами при своем вступлении в ту или иную социальную статусную роль и своевременно и добросовестно исполнять (соблюдать) их, и тем самым — реализовывать свою юридическую ответственность не только перед конкретным правомочным субъектом права, но и перед обществом и государством, которые нормативно определили вид и меру данной ответственности, нормируя правом соответствующие социальные статусы данного общества»³⁵. Позитивная ответственность в отличие от негативной — не временная и не принудительная, а постоянная, добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое надлежащее поведение. Она предполагает не только контроль субъекта за собственными действиями, но и положительную реакцию на контроль со стороны общества, государства.

Кроме того, представляется важным отметить, что позитивная юридическая ответственность — одна из форм реализации юридической ответственности, а не её «вид» или «аспект». В вопросе определения юридической ответственности мы согласны с определением, данным Д. А. Липинским, согласно которому под юридической ответственностью понимается «нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения — обязанности правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация»³⁶.

В негативной юридической ответственности лицо обязано претерпевать лишения, которые являются проявлением дополнительной юридической обязанности по отношению к основной юридической обязанности действовать правомерно. В случае же позитивной юридической ответственности

---

³⁵ Бондарев, А. С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права : монография / А. С. Бондарев. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 7.

³⁶ Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий и автобиографий : в 4 т. / ред. В. М. Сырых. Москва : РГУП, 2015. Т. 3. С. 306.

юридическая обязанность является не дополнительной, а является основной в силу закона. Однако, по нашему мнению, в отличие от негативной юридической обязанности эта обязанность не является конкретной, она предполагает добросовестные, творческие и систематические действия лица по исполнению той или иной обязанности.

Юридическая ответственность кроме правового начала включает в себя моральные, социальные и нравственные аспекты. Данный вид ответственности может проявляться одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Исходя из этого рассматривать юридическую ответственность только с ретроспективного ее аспекта не представляется возможным. Нельзя утверждать, что она направлена лишь во взгляд в прошлое. В отличие от юридической ответственности за правонарушение или преступление, которая возникает после совершения неправомерного деяния позитивная юридическая ответственность осуществляется непрерывно в силу того, что человек постоянно находится в тех или иных общественных отношениях. В итоге, результатом работы позитивной юридической ответственности является правомерное поведение субъекта. Однако, представляется верным отметить, что в случае привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления преобладает именно негативная (ретроспективная) юридическая ответственность, так как факт совершения преступления предполагает ретроспективный характер действий. Именно за уже совершённое в прошлом преступное деяние, международные трибуналы и Международный уголовный суд привлекают лицо к юридической ответственности.

Дальнейшее исследование предмета упирается в неразрешенный вопрос о соотношении юридической ответственности и наказания.

Так, В. М. Лазарев полагает, что юридическая ответственность – это наказание, возлагаемое на правонарушителя, которое обязывает виновного

подвергнуться лишению различного рода благ³⁷. В данном случае учёный-правовед отождествляет юридическую ответственность с наказанием.

Позиция авторов, которые рассматривают юридическую ответственность и наказание как целое и часть, предполагает утверждение о том, что юридическая ответственность имеет две формы: объективную и субъективную. Первая представляет собой меры государственного принуждения, а вторая субъективную обязанность лица претерпеть определенные лишения за противоправное деяние. Авторы говорят о том, что ответственность нельзя отождествлять с наказанием, ибо помимо кары (наказания) в юридическую ответственность включается также государственное и общественное осуждение³⁸.

Если обратиться к Н.И. Матузову, то он утверждает следующее : «В практическом плане юридическая ответственность может выражаться для правонарушителя в виде наступления нежелательных (отрицательных) последствий материального, морального, личного, организационного, физического характера... Из этого не следует, что ответственность и наказание – одно и то же; эти понятия тесно взаимосвязаны, но не тождественны. От наказания суд может и освободить, а ответственность как правовое состояние остается. Кроме того, наказание может быть условным, когда виновный, т.е. ответственный перед законом, обществом, государством, субъект остается на свободе. Существует также институт помилования, когда человек освобождается от дальнейшего отбывания наказания. Однако ответственность как таковая с него не снимается»³⁹. Примечательной является позиция В. И. Червонюка, который оперирует такими категориями как «возможность» и «действительность»: «Если юридическая ответственность – это обязанность претерпевать меры государственно-принудительного воздействия, то наказание – это фактическое претерпевание этих мер. Кроме того, ответственность не

---

³⁷Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. Москва : Юрист, 2007. С. 56.

³⁸Бакарджиев, Я. В. Концепции двуединого понимания юридической ответственности: авторские подходы / Я. В. Бакарджиев, И. А. Кузьмин // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. № 2. С. 22-23.

³⁹Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. Москва: Юрист, 2004. С. 215.

сводится к наказанию, может существовать и без него. В то же время наказание всегда предполагает ответственность. Из этого можно сделать заключение, что понятие юридической ответственности по своему объему шире наказания»⁴⁰. Таким образом, данные авторы полагают, что наказание является формой реализации юридической ответственности.

В данном исследовании полагаем корректным присоединиться в позиции авторов, рассматривающих наказание как форму реализации юридической ответственности. Наказание может и не реализоваться в действительности, однако, сама обязанность имманентна и существует независимо от того, подверглось ли лицо наказанию или нет.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что, во-первых, социальная ответственность представляет собой личностную характеристику человека, которая включает в себя способность лица должным образом проводить анализ ситуации, которая сложилась в данный момент в обществе, и предвидеть последствия за действия или бездействие заранее. Во-вторых, понятие социальной ответственности включает в себя возможность лица определять то, каким образом поступить в той или иной ситуации и готовность принять последствия выбора, как свершившиеся факты действительности, а также в случае наступления неблагоприятных последствий иметь волю претерпеть предусмотренные санкции. В-третьих, юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и понести наказание. В-четвёртых, позитивная и негативная юридическая ответственность предполагают наличие

---

⁴⁰Червонюк, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. Москва: ИНФРА-М, 2006. С. 568-569.

обязанности лица. В-пятых, в негативной юридической ответственности обязанность носит дополнительный и обязательный характер, в позитивной – основной и добровольный. В-шестых, анализ международных норм и национального законодательства позволяет утверждать, что позитивная и негативная юридическая ответственность есть формы реализации юридической ответственности в целом. В-седьмых, в случае привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления преобладает именно негативная (ретроспективная) юридическая ответственность, так как факт совершения преступления предполагает ретроспективный характер действий лица. В-восьмых, наказание представляет собой форму реализации юридической ответственности.

1.2 Институт юридической ответственности и субинститут юридической ответственности должностных лиц за международные преступления: понятие, соотношение

Институт юридической ответственности является одним из фундаментальных институтов современной системы права, так как затрагивает большинство сфер общественных отношений. Нормы, которые составляют юридическую ответственность, представляют собой своего рода защитный механизм для всей системы права. Закономерным представляется вопрос о том, что следует понимать под институтом юридической ответственности? Что входит в его структуру? Кроме того, необходимым является определение предмета юридической ответственности как института права. Также теоретический и практический интерес представляет то, какую роль занимает юридическая ответственность за международные преступления в иерархии системы права.

Каждая отрасль права является сложным правовым явлением, которое имеет собственную уникальную внутреннюю систему, одним из элементов

которой выступает правовой институт⁴¹. Системная структура современного российского права в своей основе содержит нормативные регулятивные средства, в том числе нормы права и нормативные обобщения, объединение которых по принципу регулирования однородных отношений формирует правовой институт⁴².

В процессе анализа института юридической ответственности обоснованно возникает вопрос об основаниях выделения данного структурного элемента в системе права. Традиционно для выделения самостоятельной отрасли необходимо наличие в первую очередь собственного предмета и метода правового регулирования. Институт права регулирует определенный вид, фрагмент или сторону общественных отношений в рамках отрасли или за ее пределами в случае, если речь идет о межотраслевом институте. Выделение в системе права институтов обусловлено особенностями правовых норм, входящих в состав того или иного института. Однако четких критериев формирования институтов в системе права в теории и практике нет. Применительно к институту юридической ответственности в качестве факторов, определяющих его существование, представляется верным выделять особый предмет, метод, способ правового регулирования и специфический набор принципов.

Термин «правовой институт», или «институт права», несмотря на популярность среди теоретиков права в качестве объекта исследования, в настоящее время не получил единой дефиниции и подхода к его определению. Также отсутствует комплексный подход к системе образования институтов права. Под правовым институтом современная юридическая наука понимает единую структурно взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также связанные общим законодательным замыслом⁴³.

---

⁴¹Ерзнкян, Б. А. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов / Б. А. Ерзнкян // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). 2012. № 20. С. 76.

⁴²Джалилова, Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е. А. Джалилова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 25.

⁴³Там же.

Советский учёный-правовед Л. И. Дембо отмечал, что «в юридической литературе принято злоупотреблять этим термином, применять его очень широко, к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания»⁴⁴. Действительно, на практике можно встретить случаи своего рода злоупотребления данным термином, зачастую не вкладывая научного значения при его использовании. Например, Л. А. Новосёлова выделяет в качестве правовых институтов: институт интеллектуальной собственности, институт авторского права, институт патентного права, институт личных неимущественных прав, институт государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, институт открытой (свободной) лицензии⁴⁵. Однако стоит признать, что с точки зрения учебного процесса и структурирования учебной дисциплины данный подход стоит признать оправданным. В случае же научных исследований и практического применения, неоправданное использование данного термина, по нашему мнению, является излишним. В данном случае справедливым является замечание О. С. Иоффе, который говорит о том, что «если иметь в виду обычное словоупотребление, то никаких погрешностей здесь нет, ибо «институт» означает «установление», и тогда все в области права можно называть институтом, начиная от самого права и кончая его единичными нормами. Но речь идет о юридическом институте как строго научном понятии, которое должно обладать необходимой определенностью...»⁴⁶. В. С. Якушев утверждал, что «в самом широком виде правовой институт понимается как нечто среднее между нормой и отраслью права, что, естественно не отвечает ни теоретическим, ни практическим потребностям»⁴⁷. Действительно, данная трактовка является слишком широкой для того, чтобы быть полезной с научной точки зрения.

---

⁴⁴Дембо, Л. И. О принципах построения системы права / Л. И. Дембо // Советское государство и право. 1956. С. 88.

⁴⁵Право интеллектуальной собственности. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Москва : Статут, 2017. С. 140.

⁴⁶Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. Москва, 1968. С. 51.

⁴⁷Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. 1970. № 6. С. 61.

В. В. Лазарев отмечает, что «институт права - это основной элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений»⁴⁸. Таким образом, В. В. Лазарев выделяет следующие признаки правового института: однородность фактического содержания; юридическое единство правовых норм; нормативная обособленность, полнота регулируемых отношений. Под нормативной обособленностью учёный-правовед понимает обособление образующих правовой институт норм в главах, разделах, иных структурных частях закона либо иного нормативно-правового акта⁴⁹.

Вызывает вопрос, насколько реален признак нормативной обособленности в современных реалиях общественных отношений, ведь очень часто тот или иной правовой институт находит своё отражение в нескольких главах нормативно-правового акта или же, наоборот, одна глава нормативно-правового акта закрепляет несколько правовых институтов. В данном случае, более жизнеспособной является позиция С. С. Алексеева, который говорил о том, что «правовой институт нуждается в формальном обособлении. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждое из укрупненных подразделений нормативного акта (глава, раздел) посвящались отдельному правовому институту»⁵⁰.

М. И. Байтин высказывает схожую позицию в отношении природы правового института, указывая, что «правовой институт — это совокупность норм, регулирующих тот или иной вид схожих, близких, в этом смысле родственных отношений»⁵¹. По мнению Е. А. Кириковой, «правовой институт как структурный элемент системы права обладает такими признаками, как относительная самостоятельность, специфичность способа правового

---

⁴⁸Лазарев, В. В. Общая теория права и государства. С. 211.

⁴⁹Там же. С. 215.

⁵⁰Алексеев, С. С. Собрание сочинений в 10-и томах. Структура советского права Т. 2. – Москва : Статус, 2010. С. 132.

⁵¹Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. С. 173.

регулируемого, наличие или принципиальная возможность формирования общих понятий в рамках видовых явлений»⁵².

Под институтом права Н. А. Пьянов предлагает понимать «совокупность (систему) правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений»⁵³.

Определения правового института, предлагаемые многими авторами⁵⁴ в целом схожи по своему содержанию. Однако примечательным является определение О. С. Иоффе, который под институтом права понимает группу норм, объединяемых специфическим способом применения общетраслевого метода к регулируемому ими виду общественных отношений⁵⁵.

Таким образом, О. С. Иоффе смещает акцент с предмета правового регулирования на его метод. По нашему мнению, данная позиция является весьма спорной. Безусловно, общетраслевой метод может приобретать некоторые особенности при применении его к определённым группам отношений. Тем не менее следует признать, что эта особенность является следствием самого характера регулируемых общественных отношений. Исходя из этого, представляется верным обосновывать сущностные характеристики правового института в особенностях его предмета.

Таким образом, можно выделить следующие сущностные признаки правового института. Во-первых, правовой институт характеризует комплексность, т.е. правовой институт включает в себя нормативные регулятивные средства, в том числе нормы права и нормативные обобщения, как правило, связанных между собой предметом. Как справедливо отмечал Л. И. Дембо, «никакая норма права не может действовать вне сочетания с

---

⁵²Киримова, Е. А. Правовой институт. (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киримова Елена Андреевна. Саратов, 1998. С. 15.

⁵³Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие / Н. А. Пьянов. Иркутск, 2010. С. 176.

⁵⁴Петров, Д. Е. Отрасль права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Петров Дмитрий Евгеньевич. Саратов, 2001. С. 41; Пилипенко, Е. А. Система российского права : структурно-сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пилипенко Евгений Александрович. Ростов на Дону, 2003. С. 57; Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) : монография / М. И. Байтин. Саратов, 2002. С. 173; Лазарев, В. В. Общая теория права и государства. С. 211.

⁵⁵Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права). С. 53.

другими нормами, совместно образующими правовой институт»⁵⁶. Во-вторых, правовой институт всегда имеет определённую сферу воздействия. Он всегда направлен на регулирование отношений в определенной сфере и при наступлении определённых обстоятельств. В-третьих, правовой институт характеризует признак структурности правовых норм. Совокупность правовых норм, которые образуют институт права, определены логикой их содержания. Именно институт права определяет круг субъектов и объектов, определяет их правовой статус в рамках отношений, подлежащих регулированию.

Институты права представляют собой элементы отрасли, наиболее крупного элемента системы права, и призваны обеспечить целостное и самостоятельное регулирование определенной группы родственных общественных отношений. Их можно классифицировать по различным основаниям. В частности, по структуре правовые институты подразделяются на простые и сложные (комплексные)⁵⁷. Простые правовые институты не включают в себя иных подразделений. Если же говорить о сложных институтах, то в их составе можно рассмотреть меньшие по объёму правовому регулированию составные части, которые, в научной литературе получили название «субинституты». «Субинституты представляют собой четко выраженную совокупность правовых норм внутри крупного правового института, регулирующих определенные особенности, специфику видовых общественных отношений»⁵⁸.

В зависимости от функций правового регулирования общественных отношений правовые институты подразделяются на учредительные, регулятивные и охранительные. Сторонники данной классификации полагают, что институту юридической ответственности в таком случае отводится охранительная роль вне зависимости от вида отношений, которые подлежат регулированию. Так, О. Э. Лейст отмечал, что «институт уголовной ответственности не имеет в качестве объекта регулирования своего

---

⁵⁶ Дембо, Л. И. О принципах построения системы права. С. 93.

⁵⁷ Матузов, Н. И. Теория государства и права. С. 219.

⁵⁸ Киримова, Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование). С. 13.

специфического вида общественных отношений, поскольку его нормы предназначены не регулировать общественные отношения, а охранять и защищать их, а уголовной ответственности в качестве способа правового регулирования свойственен запрет»⁵⁹. В свою очередь, С. А. Носков отмечает, что «запрет, как и иные способы правового регулирования, направлен на упорядочение общественных отношений»⁶⁰. Согласно данной позиции, запрет противоправного поведения воздействует на волю и сознание субъектов общественных отношений, что, в свою очередь, регулирует их поведение. В данном случае возникает вопрос, является ли возможным урегулировать общественные отношения только, например, учредительными институтами права? По нашему мнению, нет, и именно поэтому данная классификация не отражает правовой действительности. Как указывал, Н. А. Пьянов, «всесторонне урегулировать тот или иной вид общественных отношений при помощи только, скажем, регулятивных или охранительных норм практически невозможно»⁶¹.

По предметно-отраслевому признаку институты права подразделяются на отраслевые (внутриотраслевые) и межотраслевые (смешанные). Отраслевой институт состоит из норм одной отрасли права, а межотраслевой из норм двух и более отраслей⁶². По мнению Е. А. Киримовой, межотраслевые институты права обладают рядом особенностей: «Во-первых, они появляются в сфере действия родственных отраслей права; во-вторых, нормы, составляющие смешанные институты, не представляют собой их механической совокупности, опосредующих разнородные общественные отношения, а являются гармоничным сплавом однородных отношений, составляющих неразрывный

---

⁵⁹Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву : монография / О. Э. Лейст. Москва : Издательство Московского университета, 1981. С. 196.

⁶⁰Носков, С. А. О понятии института юридической ответственности / С. А. Носков // Право и политика. 2007. № 3. С. 13.

⁶¹Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права. С. 177.

⁶²Цюрина, Н. В. Юридическая ответственность как институт права / Н. В. Цюрина // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 30.

предмет регулирования данных институтов; в-третьих, смешанные правовые институты являются институтами нескольких отраслей права»⁶³.

В научной литературе наличествуют дискуссии о необходимости разграничения понятия комплексного и межотраслевого института права, так как в литературе зачастую данные понятия подменяют друг друга⁶⁴. В данном вопросе мы поддерживаем позицию О. Е. Репетевой, согласно которой под комплексным институтом необходимо понимать институт системы права, состоящий из меньших по объёму правового регулирования составных частей, называемых субинститутами. В свою очередь, к межотраслевым институтам следует относить институты, состав которых образуют нормы двух и более отраслей права⁶⁵. Исходя из этого можно сделать вывод, что не каждый комплексный институт является межотраслевым, поскольку может иметь в своем составе нормы только одной отрасли.

В вопросе предмета регулирования института юридической ответственности верным представляется позиция С. А. Носкова, который указывал, что в предмет включаются «конфликтные, негативные, деликтные отношения, которые отличаются по видам в зависимости от степени общественной опасности, но сходны по типу»⁶⁶.

В свою очередь, Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян, очерчивая границы института юридической ответственности, рассматривают его как «отношения, которые государство закрепляет и развивает, а также отношения, возникающие из правонарушений»⁶⁷. Данное понятие институт вытекает из положения о том, что юридическая ответственность включает в себя как негативный, так и в позитивный аспекты. Схожей позиции придерживается А. П. Чирков. Данный правовед разделяет институт юридической ответственности на межотраслевой комплексный институт принудительной юридической ответственности и

---

⁶³Киримова, Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование). С. 13.

⁶⁴Зарапина, Л. В. О понятии «Отрасль права» и системообразующих признаках отрасли права / Л. В. Зарапина // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. № 3. С. 115.

⁶⁵Репетева, О. Е. Юридическая ответственность как межотраслевой институт права / О. Е. Репетева, Д. А. Липинский // Advances in Law Studies. 2016. № 3. С. 82.

⁶⁶Носков, А. С. О понятии института юридической ответственности. С. 14.

⁶⁷Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности. С. 132.

межотраслевой комплексный институт позитивной юридической ответственности, представляя их в виде обособленных элементов системы права. Под институтом позитивной юридической ответственности автор понимает институт государственного поощрения, поскольку он служит основой воздействия позитивной правовой ответственности на поведение людей⁶⁸. По нашему мнению, институт государственного поощрения не может применяться в вопросах привлечения должностных лиц к юридической ответственности за международные преступления, так как в данном случае мы имеем дело уже совершённым преступлением.

Исходя из вышеизложенного, предмет правового регулирования института юридической ответственности, по нашему мнению, составляют правовые отношения, возникающие из правонарушений.

Следующей характеристикой института права является метод правового регулирования. Учитывая тот факт, что регулирование института юридической ответственности в ретроспективном аспекте основано на отношениях власти и подчинения, можно сделать вывод, что императивный метод правового регулирования является превалирующим. В данном случае данный метод вытекает из самой природы юридической ответственности как правовой категории.

Если говорить о способах правового регулирования, то, по нашему мнению, институту юридической ответственности свойственен синтез запрета и обязывания.

Кроме того, необходимо отметить, что, будучи комплексным межотраслевым институтом, институт юридической ответственности включает в себя ряд принципов. Проблема принципов юридической ответственности является одной из наиболее дискуссионных, учитывая их различное толкование, а также дискуссии об их роли в формировании института

---

⁶⁸Чирков, А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие. / А. П. Чирков. Калининград, 1996. С. 50.

юридической ответственности⁶⁹. Тем не менее тот факт, что юридическая ответственность основана на своих особых принципах, не вызывает сомнений.

К принципам института юридической ответственности, по нашему мнению, относятся законность, неотвратимость, индивидуализация и справедливость.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что нормативные регулятивные средства, в том числе нормы права и нормативные обобщения, касающиеся вопросов юридической ответственности, в своей совокупности представляют собой межотраслевой комплексный институт на уровне системы права. Институт юридической ответственности является полноценным и самостоятельным ее элементом, поскольку, в первую очередь, имеет собственный предмет и метод правового регулирования. Более того, для данного элемента системы права свойственен определенный синтез способов правового регулирования, а фундаментальной основой данного института служит индивидуальный ряд правовых принципов.

Таким образом, наиболее удачным определением, по нашему мнению, является определение С. А. Носкова, институт юридической ответственности представляет собой «сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения»⁷⁰.

Учитывая специфику субъектов, а также особый порядок привлечения должностных лиц государств к юридической ответственности возникает закономерный вопрос о том, является ли юридическая ответственность должностных лиц государств за международные преступления институтом права или же она является субинститутом?

---

⁶⁹Русских, В. В. Справедливость как принцип юридической ответственности / В. В. Русских // Философия права. 2019. № 2. С. 184; Морхат, П. М. Принципы права: нравственное содержание / П. М. Морхат // Гражданин и право. 2007. № 10. С. 8.

⁷⁰Носков, С. А. О понятии института юридической ответственности. С. 19.

Е. А. Киримова под субинститутом права понимает четко выраженную совокупность правовых норм внутри крупного правового института, регулируемую определёнными особенностями, специфику видовых общественных отношений. Общественные отношения определённого вида (предмет правового регулирования правового института остается прежним) регулируются в некоторых случаях несколько иначе (метод правового регулирования приобретает определённую специфику)⁷¹. Учитывая данную дефиницию, возникает вопрос о том, может ли субинститут существовать за рамками института права. По нашему мнению, такое существование вряд ли возможно, учитывая тот факт, что институт права регулирует определённый вид общественных отношений, а субинститут определённую специфику видовых отношений⁷². Таким образом, субинститут появляется в рамках конкретного института. Важно также отметить тот факт, что отличия могут заключаться не только в методе правового регулирования, но в предмете. Так, С. С. Алексеев говорит о том, что существует «главный» фактор выделения того или иного звена в системе права. Он пишет о качественно особом виде общественных отношений, требующих правового регулирования с помощью специфического метода и механизма регулирования. Отличия же в предмете могут заключаться в содержании и характере поведения, положении субъектов, объектах, условиях возникновения и функционирования отношений⁷³. Предполагается, что нормативный материал института, который содержит субинституты, невозможно равным образом распределить по субинститутам, однако, при этом он не должен сводиться лишь к общим нормам⁷⁴. Таким образом, представляется верным говорить о том, субинститут права всегда является частью института права. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что институт права, содержащий субинституты, регулирует некоторые общие (для одного или нескольких в зависимости от состава института) положения, в то

---

⁷¹Киримова, Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование). С. 86.

⁷²Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права. С. 9.

⁷³Алексеев, С. С. Собрание сочинений в 10-и томах. Структура советского права Т. 2. С. 45.

⁷⁴Киримова, Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование). С. 132.

время субинститут занимается регулированием определённой специфики отношений в рамках того или иного института.

Для начала следует определиться с понятием данного института, его правовой природой и отличительными признаками. В отечественной литературе мысль о субинститутах как об отдельном подразделении в системе права впервые высказал О. С. Иоффе: «Институт не только не последнее после нормы подразделение отрасли права (имеются ещё и подотрасли), но и не всегда первое подразделение, следующее за ней, так как самостоятельные органические образования встречаются иногда и внутри института. Такие образования можно назвать субинститутами»⁷⁵. Идею выделения такой категории поддержал и С. С. Алексеев⁷⁶.

Анализ данной составляющей системы права позволяет выделить следующие признаки. Будучи частью института, субинститут также состоит из совокупности норм права. Важным является именно правовой характер норм. В случае включения в данную категорию норм морали, социальных или других видов норм, данная категория просто перестанет быть правовой. Правовой характер субинститута является ключевой характеристикой данной категории.

Второй признак субинститута заключается в том, что он является, как и институт права, элементом системы права. Субинститут должен обладать свойствами элемента, находиться во взаимосвязи с другими структурными подразделениями системы. Он должен включать в себя нормы права, их взаимодействие и иерархию и сам занимать строго определённое место в системе права, взаимодействовать как с однопорядковыми элементами, так и с правовыми общностями другого характера, входящими в состав системы права. Необходимо, чтобы субинститут права отвечал всем требованиям системы, в рамках которой он функционирует⁷⁷.

---

⁷⁵Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права). С. 35.

⁷⁶Алексеев, С. С. Собрание сочинений в 10-и томах. Структура советского права Т. 2. С. 45.

⁷⁷Орехов, И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее / И. В. Орехов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 52.

Также некоторыми авторами в качестве признаков указывается системность и согласованность совокупности норм, составляющих субинститут права. Авторы указывают на то, что «в рамках этой правовой категории могут размещаться несколько норм, взаимодействие которых между собой должно быть отлажено. Координация его внутренней структуры и организация её функционирования должны отвечать требованиям системности и согласованности. Но вместе с тем это должна быть единая, целостная и завершённая правовая конструкция»⁷⁸. В целом, стоит согласиться с данной позицией, однако важно учитывать тот факт, что зачастую нормы, которые формируют субинституты, могут видоизменяться с течением времени, тем не менее субинститут как таковой продолжает существовать, меняя своё внутреннее содержание. Так, например, развитие положений о привлечении к юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления происходило путем разработки и принятия того или иного статута. Исторически первым появился Устав Нюрнбергского трибунала. Закрепляя положения по вопросам привлечения к юридической ответственности должностных лиц государств, данный устав заложил основу правового регулирования подобного рода вопросов. Затем же международные трибуналы по Руанде, бывшей Югославии, основываясь на опыте Нюрнбергских процессов, продолжили развитие данного субинститута права, дополнив его новыми положениями, которые отвечали реалиям развития гражданского общества на определённый момент времени, или же более полно развивая и дополняя материальные и процедурные моменты привлечения к юридической ответственности. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что признак целостности и завершённости, безусловно, характеризует субинститут, однако, не стоит исключать возможность видоизменения его содержательных характеристик.

---

⁷⁸Там же. С. 52.

Примечательным является понимание субинститута как обособленного объединения правовых норм с определёнными критериями его обособления⁷⁹. Бесспорно, возможность отграничения данного субинститута от других правовых категорий является необходимой и практически выгодной с точки зрения правоприменения и научного изучения системы права. Применительно к вопросу привлечения к юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления можно говорить о таких критериях как международный характер правонарушения; особый и ограниченный круг субъектов преступления; масштабность причинения вреда объектам совершения преступления и т.д.

Важным, по нашему мнению, признаком является специфичность общественных отношений, которые регулируются субинститутом. Как указывает И. В. Орехов появление субинститутов не должно происходить спонтанно и оторвано от общественных и правовых реалий⁸⁰. Стоит согласиться с данным мнением, ибо регламентация тех отношений, которые не существуют, в принципе не логична и бессмысленна. Например, регулирование отношений, связанных с привлечением к юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления, вытекает из того, что в действительности на международном уровне совершаются преступления огромного масштаба, затрагивающие права не только отдельных личностей, государства, а нескольких государств и международного сообщества в целом. Исходя из этого, представляется невозможным регулировать общественные отношения национальным правом, или же с помощью положений международных договоров, ибо для разрешения подобных вопросов требуется создание целой институализированной системы, новой процедуры разрешения. Перечисленные обстоятельства и являются предпосылками для создания норм, которые бы регулировали подобные узконаправленные вопросы. Таким образом, закономерным представляется

---

⁷⁹Алексеев, С. С. Собрание сочинений в 10-и томах. Структура советского права Т. 2. С. 250.

⁸⁰Орехов, И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее. С. 53.

появление субинститута юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления в рамках межотраслевого института юридической ответственности в целом.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, признак нормативной обособленности не является определяющим при выделении тех или иных норм в качестве института права. Во-вторых, применение общетраслевого метода к тому или иному виду правоотношений не определяет институт права, так как ключевым является непосредственно сам характер данных правоотношений. В-третьих, классификация, разделяющая правовые институты на учредительные, регулятивные и охранительные не применима в современных реалиях, так как урегулирование того или иного вида общественных отношений при помощи правового института только одного вида не представляется возможным. В-четвёртых, предмет правового регулирования института юридической ответственности составляют правовые отношения, возникающие из правонарушений. В-пятых, субинститут существует в рамках института. В-шестых, институт права, содержащий субинституты, регулирует некоторые общие положения, а субинститут занимается регулированием определённой специфики отношений в рамках определённого института. В-седьмых, представляется верным рассматривать нормативные регулятивные средства, в том числе нормы права и нормативные обобщения, касающиеся юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления, в качестве субинститута, входящего в межотраслевой институт юридической ответственности в целом.

1.3 Возмездие и устрашение как цели применения наказания: связь философских теорий и позиций международных трибуналов

Уголовное наказание, равно как и иные меры уголовно-правового характера, является логическим продолжением уголовной ответственности,

которая, в свою очередь, является, как уже было сказано ранее, формой реализации юридической ответственности, и придаёт морально-нравственному осуждению форму осуждения юридического. Проблемным является вопрос о том, какие цели наказания должны преследовать международные трибуналы при привлечении должностных лиц государств к ответственности? Также возникает вопрос в достижимости и оправданности данных целей, учитывая специфику субъектов данных преступлений и масштабы, вреда, причиняемый данными преступлениями.

Целью реализации уголовной ответственности и применения уголовного наказания можно назвать результат, к которому стремится как государство, так и общество путем применения различных мер правового воздействия. Цели применения уголовного законодательства несколько шире целей уголовного наказания. Главная цель уголовного законодательства – охрана общества от посягательств, которые подрывают условия его существования⁸¹.

Достижение целей реализации уголовной ответственности возможно сообразными правовыми средствами. Предполагается верным начать с ответа на вопрос, что представляет собой наказание: благо или зло. На протяжении развития истории судопроизводства под влиянием идей философов и юристов цели наказания в общем, и уголовного наказания, в частности, претерпевали изменения. Например, австрийский и немецкий юрист, специалист в области уголовного и международного права, Ф. фон Лист доказывал, что наказание есть зло, которое присуждается судьей лицу, совершившему преступление, и, соответственно, нарушившему юридические блага, юридически защищенные интересы самого правопорядка, который в иных случаях данные блага и интересы охраняет⁸². Вывод о том, что наказание представляет собой воздаяние злом за зло, происходит из рассуждений А. А. Жижиленко⁸³, Н. С. Таганцева⁸⁴,

---

⁸¹Велиев, С. А. Принципы назначения наказания : монография / С. А. Велиев. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 52.

⁸²Лист, Ф. Учебник уголовного права : Общая часть : учебник / Ф. Лист. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1903. С. 274.

⁸³Жижиленко, А. А. Наказание : его понятие и отличие от других правоохранительных средств : монография / А. А. Жижиленко. Петроград : Правда, 1914. С. 33–34.

С. В. Познышева⁸⁵. Н. О. Лосский оценивал наказание как зло за зло, пытался представить наказание в качестве справедливого воздаяния, доказывал, что общественные наказания (страдания) имеют характер производного имманентного наказания (угрызения совести, раскаяния)⁸⁶. Г. В. Ф. Гегель утверждал: право – внешняя форма, воплощающая всеобщую и абсолютную волю, регулирующую отношения между людьми, поэтому наказание за совершенное преступление есть логическая справедливость, необходимая для восстановления права отрицанием⁸⁷.

Исторически первыми сформировались теории возмездия, иначе именуемые этическими, иначе – эмоциональными, абсолютными. Они исходят из направленности ответственности / наказания в прошлое. Цели ответственности / наказания – в расплате за совершенное преступление, т.е. возмездие, кара, воздаяние злом в ответ на зло, искупление вины, восстановление справедливости, нарушенного права, деформированных общественных отношений.

В числе этических (эмоциональных, абсолютных) теории: талиона физического (жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб и т.д.); божеского возмездия (кара преступника необходима для того, чтобы умилостивить божество и смягчить его гнев; иными словами, кровь, мучения и истязания очищают, омывают, искупают вину; они направлены на то, чтобы получить божескую милость); нравственного возмездия – по И. Канту: нравственный (категорический) императив требует отплаты равным за равное – злом за зло: страдания потерпевшего от преступления должны быть уравнены, искуплены страданием от наказания виновного в совершении преступления; диалектического возмездия – согласно Г. В. Ф. Гегелю, преступление как

---

⁸⁴Русское уголовное право: Часть общая. Лекции в 2-х томах / Таганцев Н. С. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. Т. 2. С. 39-41.

⁸⁵Познышев, С. В. Основные вопросы учения о наказании / С. В. Познышев // Ученые записки имперского университета. Юридического факультета. Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1904. С. 74.

⁸⁶Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра : авторский сборник / Н. О. Лосский. Минск : Издательство Белорусского Экзархата - Белорусской Православной Церкви, 2011. С. 135-151.

⁸⁷Гегель, Г. Философия права. С. 54.

отрицание правомерного поведения должно быть снято наказанием как отрицанием этого преступления; снятие (отрицание) преступления есть возмездие, а возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения⁸⁸.

С точки зрения анализа целей уголовного наказания в рамках привлечения должностных лиц государств к юридической ответственности за международные преступления научный интерес представляют следующие теории уголовного наказания: теория диалектического воздаяния Г. Гегеля и теория «апологического» возмездия И. Канта.

Отрицая какие-либо утилитарные цели наказания, И. Кант писал, что наказание есть категорический императив практического разума, единственная априорная идея, составляющая основание уголовного права⁸⁹. Однако применяя идею равенства по отношению к объему наказания, он писал не о буквальной соразмерности, а об эквивалентности и равноценности наказания преступному деянию, причем выведенная ученым всем известная моральная формула основана на «золотом правиле» морали, а не на требованиях логики ветхозаветного правила талиона.

На некорректность формулы материального симметричного воздаяния, заключающегося в законе талиона, указывал не только И. Кант, требовавший равенства наказания преступлению по силе воздействия на свободу индивида и отражения в содержании уголовного наказания характера самого преступления, но и Г. В. Ф. Гегель, центром концепции наказания которого, как известно, является противоречие. Этот философ также не поддерживал древний принцип талиона по причине несоответствия природе конечного эмпирического мира, так как, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, в нём просто невозможно абсолютное определение⁹⁰. Он полагал, что оно остаётся для нас «лишь требованием, которое рассудок должен очерчивать все более и более точными границами, что является делом чрезвычайно важным, но продолжающимся до

---

⁸⁸Там же.

⁸⁹Корсаков, К. В. Принципы и цели уголовного наказания в рамках абсолютных пенилогических доктрин / К. В. Корсаков // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. С. 65.

⁹⁰Там же.

бесконечности и допускающим только лишь приближение, остающимся верным в продолжении многих лет»⁹¹. Рассматривая уголовное наказание процесс логического развития принципа воздаяния, который находится вне каких-либо утилитарных и прагматических аспектов, как процесс отрицания преступной воли, отрицание или «снятия» преступления и восстановления права, и констатируя, что наказание происходит из самой природы преступления как «налично» сущей воли, преследуя соответствие требованиям справедливости, Г. В. Ф. Гегель отмечал: «Снятие преступления есть возмездие постольку, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем»⁹². Основная идея данного абсолютного подхода к уголовному наказанию заключается в следующем: абсолютные идеалы социальной справедливости всегда предполагают, что каждая преступная воля (*mens rea*), которая посягает на охраняемую уголовным законом свободу другого индивида, была в одинаковой степени стеснена в своей собственной индивидуальной свободе.

Абсолютные теории наказания Г. В. Ф. Гегеля и И. Канта, были развиты многими известными учеными-криминологами XX века, они оказали заметное воздействие на уголовно-правовую доктрину и законодательство большинства европейских стран, и, на то, в каком аспекте международные трибуналы рассматривали цели наказания, на что не раз обращали внимание видные отечественные ученые-правоведы (М. И. Ковалев, Н. Ф. Кузнецова, А. Э. Жалинский и др.). Как указывал известный немецкий правовед Ю. Ф. Г. Абегг, развитие абсолютных концепций представляет собой возрождение идей справедливости уголовного наказания и нравственно-правовой расплаты за преступление⁹³. Первый этап истории именовался Ю. Ф. Г. Абеггом стадией кровной мести и частного преследования

---

⁹¹Гегель, Г. Философия права. С. 169.

⁹²Гегель, Г. Философия права. С. 169

⁹³Корсаков, К. В. Принципы и цели уголовного наказания в рамках абсолютных пенологических доктрин. С. 65.

преступников, а вторая же фаза именовалась периодом преобладания утилитарных задач уголовно-правовой деятельности. Мы полагаем, что столь высокая степень влияния на законодательную ткань и научно-исследовательскую область в вопросах понятия наказания в целом и привлечения к юридической ответственности должностных лиц государств, в частности, объясняется исторической эпохой появления данных теорий. Однако важной отличительной особенностью являлось присоединение к вышеуказанным идеям набора прагматическо-утилитарных воззрений, возникших и распространившихся на втором этапе развития концепции уголовного наказания⁹⁴. Последователи абсолютных концепций Г. В. Ф. Гегеля и И. Канта, которые в качестве базисного принципа наказания рассматривали идею равного воздаяния, постепенно начали отказываться от характеристики уголовного наказания как некоего самоценного акта. Единственной, прямой целью, вытекающей из самой сути наказания, по мнению последователей, являлось восстановление нарушенного преступлением равновесия. Причём важным является то, что такое восстановление представляло собой лишь заглаживание создавшихся у сторон-участников социального конфликта эмоций и впечатлений (торжества преступной воли и ощущения вседозволенности у преступника и болезненных чувств, которые испытывает потерпевший) посредством других чувствований, которые вызываются у них вследствие восприятия соразмерной преступному деянию уголовной репрессии.

Если говорить о характеристике целей уголовного наказания в рамках современных систем уголовного правосудия, то мы можем увидеть, что на практике, как правило, проявляется сочетание теории возмездия и теории устрашения⁹⁵. На практике Международным трибуналом по бывшей Югославии и Международным трибуналом по Руанде цели наказания, конечно же, обсуждались в аспекте определения меры наказания при привлечении к

---

⁹⁴Корсаков, К. В. Принципы и цели уголовного наказания в рамках абсолютных пенологических доктрин. С. 66.

⁹⁵Hart, H. L. Punishment and responsibility: Essays in the philosophy of law / H. L. Hart. Oxford : Oxford University Press, 1968. P. 150.

юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления⁹⁶.

Помимо целей воздания и устрашения⁹⁷, трибунал утверждал актуальность реабилитации правонарушителей⁹⁸ и другие цели. Начнём анализ целей уголовного наказания с теории возмездия.

Теории возмездия имеют долгую историю в уголовном праве, но в настоящее время их часто связывают с И. Кантом⁹⁹. Как уже упоминалось ранее, они сосредоточены на необходимости наказания тех, кто нарушил социальные нормы, независимо от возможных преимуществ, которые возможно было бы получить от расследования преступления в будущем. Обоснованием данной позиции является идея о том, что преступники заслуживают наказания за свои действия в любом случае.

Особенностью данной теории является фокус на преступниках в целом как отдельных личностей. Представляется, что использовать их как средство для достижения цели уголовного наказания (что происходит в телеологических теориях) было бы неуважением к ним как полноценным членам общества. Другими словами, данные теории предполагают отказ от рассмотрения конкретных преступных действий лиц, возлагая на них ответственность за свои действия. В случае, если это происходит, по мнению сторонников данной теории, государство, общество и правоприменители не рассматривают преступника как полноценную личность с её правами и законными интересами, так как ответственность за совершённые деяния невозможна без автономии личности и её полноценности¹⁰⁰.

---

⁹⁶Schabas, W. A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone : monograph / W.A. Schabas. Liverpool : Liverpool Law Review, 2008. P. 345-348.

⁹⁷Prosecutor v. Zlatko Aleksovski ICTY 24.3.2000 para. 185 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/aleksovski/acjug/en/ale-asj000324e.pdf>.

⁹⁸Prosecutor v. Momir Nikolic' ICTY 2.12.2003 para. 85. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/nikolic/tjug/en/mnik-sj031202-e.pdf>.

⁹⁹Duff, A. Introduction: Thinking about punishment / A. Duff, D.Garland // A reader on punishment. 1994. P. 15.

¹⁰⁰Cryer, R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Friman, H., Robinson, D., Wilmschurst, E. // Cambridge University Press. 2016. P. 72.

Современные сторонники теории возмездия не рассматривают возмездие как самоцель. В то же время открытым остаётся вопрос о том, что же преследуют международные трибуналы, выбирая цель возмездия? Представляется очевидным, что международные уголовные трибуналы, используя цель возмездия для обоснования наказания, стараются избежать связи с законом талиона и не оправдывать наказание с точки зрения преследования карательных целей к преступнику. Например, МТБЮ в деле *Aleksovski case* подтвердил, что возмездие следует понимать не как желание отомстить преступнику, а как необходимое выражение возмущения международного сообщества к совершённым преступлениям. Данная позиция широко признана Международным трибуналом МТБЮ и Международным уголовным трибуналом по Руанде. Соответственно, приговор, который выносится в отношении должностного лица Международным трибуналом должен ясно показывать осуждение международного сообщества к подобному поведению лица и показать, что «международное сообщество не готово мириться с серьёзными нарушениями международного гуманитарного права и прав человека¹⁰¹. Также подобная позиция отражается в решении *Momir Nikolic' case*, в котором указывается, что, «учитывая цели МТБЮ и международного гуманитарного права в целом, возмездие понимается скорее как выражение осуждения и возмущения международного сообщества в отношении таких серьёзных нарушений и игнорировании фундаментальных права человека во время, когда люди находятся в состоянии нестабильности, а именно во время вооруженного конфликта. Также возмездие является следствием признанием вреда, который был причинен потерпевшим. Более того, учитывая условия осуществления международного уголовного правосудия, возмездие воспринимается как чёткая позиция международного сообщества, согласно которой преступники будут наказаны, и безнаказанность не восторжествует¹⁰².

---

¹⁰¹Prosecutor v. Zlatko Aleksovski ICTY T. Ch. 24.3.2000. Op. cit. para. 185.

¹⁰²Prosecutor v. Momir Nikolic' ICTY T. Ch. 2.12.2003. Op. cit. paras. 86–7.

Помимо этого, важным является позитивный аспект теории возмездия, который был отмечен судебной камерой МТБЮ в деле Prosecutor vs. Momir Nikolic: «возмездие необходимо понимать, что отражение справедливого и сбалансированного подхода к мере наказания за совершённое преступление. Это означает, что наказание, которое претерпевает должностное лицо, должно быть пропорциональным виновному поведению лица, то есть наказание должно соответствовать преступлению¹⁰³. Здесь опять же можно найти отражение мыслей В. Гегеля и И. Канта. Тем не менее, закономерной сложностью, связанной с данной позицией, является вопрос о том, сможет ли наказание за совершённые международные преступления быть пропорциональным тому огромному уровню причинённого вреда и виновности должностного лица¹⁰⁴. По нашему мнению, масштаб причиненного вреда, многочисленные человеческие жертвы и другие многочисленные негативные последствия не смогут оправдаться лишь целью возмездия, так как пожизненное заключение или смертная казнь должностного лица, совершившего преступления подобного рода преступления, не загладит причинённый вред в любом случае. Примечательным является позиция М. Ж. Ойзела, который говорил о том, что «позиция возмездия в рамках уголовного наказания имеет незначительный вес в сфере оценки целей уголовного наказания, так как есть ряд преступников, которые совершили множество преступлений, за которые они не имеют возможности «расплатиться» в соответствующей мере, учитывая продолжительность человеческой жизни».¹⁰⁵

Таким образом, представляется верным проводить разграничение между разными видами пропорциональности. Представляется научно обоснованной позиция, предложенная Р. Краером, который выделял следующие виды пропорциональной ответной реакции на преступление: cardinal proportionality и

---

¹⁰³Prosecutor v. Todorovic', ICTY T. Ch. I 31.7.2001 para. 29. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/todorovic/tjug/en/tod-tj010731e.pdf>.

¹⁰⁴Harhoff, F. Sense and Sensibility in Sentencing-Taking stock of international criminal punishment / F. Harhoff // Law at War: The Law as it Was and the Law as it Should Be. 2008. P. 140.

¹⁰⁵Osiel, M. J. Why Prosecute-critics of Punishment for Mass Atrocity / M. J. Osiel // Human Rights Quarterly. 2000. P. 118.

ordinal proportionality. Cardinal proportionality устанавливает базовый уровень суровости ответной реакции государства на совершённое преступление. Данный вид пропорциональности проявляется, как правило, в закреплении минимального и максимального срока или размера наказания, который уголовная система может применять при назначении наказания за совершение того или иного преступлений. ordinal proportionality устанавливает то, какое конкретное положение преступление занимает в системе наказаний данной уголовной системы с точки зрения его суровости. На практике международное уголовное право и национальное уголовное право могут иметь различные кардинальные точки отсчёта, и теория возмездия всё же в большей степени использует ординальную пропорциональность, которая, в свою очередь, аналогично может отличаться от одного государства к другому. Также важно отметить, что нельзя исключать особенности и отличия применения данной теории как в рамках сравнения национальных юрисдикций различных государств, так и в рамках сравнения применения права национальными и международными судами.

Некоторые авторы считают, что цель возмездия имеет существенные недостатки. Они полагают, что возмездие предполагает наказание без учёта страданий его несения должностным лицом, а наказание для таких лиц выбирается более жестокое в сравнении с лицами, которые не занимают высокую государственную должность. Предполагается, что данная цель наказания преследуется даже в случаях, когда это не представляет ценности для общества и государства. Однако в таком случае последователи И. Канта могли бы возразить, что наказание необязательно должно быть практичным и нести ценность для общества и государства, тем не менее соответствовать моральным и этическим ценностям общества оно обязано. Кроме того, не представляется обоснованным аргумент, касающийся более жесткого наказания в отношении лиц, так как, по нашему мнению, учитывая особый статус данных субъектов, применение более сурового наказания является необходимым.

Закономерным представляется анализ устрашения как цели применения уголовного наказания в отношении должностных лиц государств. Цель устрашения, как правило, преобладала во взглядах утилитарных политических теоретиков. Например, Джереми Бентам в отличие от сторонников теории возмездия обращал пристальное внимание на выгоду, которую может получить государства от проведения расследования и привлечения к уголовной ответственности¹⁰⁶.

Общепринятой практикой является использование наказания с целью предупреждения совершения преступлений как самим преступником в дальнейшем путем ограничения его свободы (общая превенция), так и обществом благодаря воздействию уголовно-правового запрета и состоит в достижении и обеспечении стимуляции нормативно закрепленного поведения (частная превенция). Тем не менее, на практике существуют определенные риски преследования данной цели уголовного наказания. Во-первых, в природе утилитаризма отсутствуют процедуры, которые бы предотвратили чрезвычайно суровое наказание, и даже наказание невиновного. Не стоит забывать о том, что наказание близких членов семьи за их правонарушения, по мнению Джереми Бентама¹⁰⁷, приведёт к более высокому уровню устрашения, чем наказание непосредственно преступника. Также, отмечается, что угроза тяжким наказанием даже за небольшие правонарушения закона является способом их предотвращения. Однако, по нашему мнению, данные позиции не применимы в политических системах XXI века, ведь все эти меры могут быть применимы только в полицейском государстве, где наличествует неуважением прав человека.

Также в литературе выделяются иные позиции, критикующие устрашение как непосредственную цель наказания преступника. Во-первых, сторонники наказания как кары, особенно последователи Канта, справедливо отмечают, что теории устрашения, особенно те, которые направлены на общую превенцию,

---

¹⁰⁶The Collected Works of Jeremy Bentham: deontology / Oxford : Oxford University Press, 1983. P. 15.

¹⁰⁷Ibid.

видят людей как средство для достижения цели без учёта их ценности как членов общества. Во-вторых, сторонники теории устрашения оценивают людей как очень рациональных личностей, которые тщательно оценивают достоинства и преимущества своих действий, что, на самом деле, в большей степени не имеет ничего общего с реальностью принятия решений, предшествующих совершению преступления¹⁰⁸. Существует мнение, что борьба за «высшее благо», фанатизм или страх предстать перед трибуналом являются детерминантами тех, кто совершает международные преступления¹⁰⁹. В определённых ситуациях это действительно отражает реальность, но данная позиция явно недооценивает рациональные подсчёты многих должностных лиц государств, которые вполне способны оценить подобные риски и выстроить свои действия таким образом, чтобы избежать подобных итогов¹¹⁰.

Несмотря на все достоинства, подобные критические оценки теории устрашения привели к тому, что МТБЮ принял устрашение как обоснование наказания, однако, с определёнными ограничениями. Так, при вынесении приговора Д. Тадичу Апелляционная камера МТБЮ постановила, что «устрашение – то, что может на законных основаниях быть учтено при вынесении приговора ... однако Апелляционная камера понимает, что данный фактор не должен превалировать при общей оценке приговоров, которые выносятся в отношении должностных лиц»¹¹¹.

Более того, Апелляционная камера в деле *Prosecutor vs. Nikolic* предприняла попытку разобраться с критикой теорий устрашения. Апелляционная камера пояснила, что «во время вооруженного конфликта должностные лица должны в полной мере осознавать свои обязательства в отношении находящихся в подчинении солдат и лиц, чьи права защищаются законом, в частности, мирных жителей. Таким образом, остаётся верить, что

---

¹⁰⁸Wippman D. Atrocities, deterrence, and the limits of international justice / D. Wippman // *Genocide and Human Rights: collected papers* / T. Campbell, M. Lattimer. London, 2007. Ch. 18. P. 473.

¹⁰⁹Harhoff, F. Op. cit. P. 149.

¹¹⁰Roach, S., 'Justice of the Peace? Future Challenges and Prospects for a Cosmopolitan Court' in Stephen Roach (ed.), *Governance, Order and the International Criminal Court* : monograph / S. Roach. Oxford: OUP Oxford, 2009. P. 225.

¹¹¹*Prosecutor v. Tadic* ICTY A.Ch. 26.1.2000 para. 48 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-asj000126e.pdf>.

МТБЮ и другие международные суды будут способствовать развитию культуры верховенства права, а не использовать страх последствий за наказание как основной способ обеспечения правопорядка, и таким образом, как итог удержат лиц от совершения возможных преступлений. Возникает обоснованный вопрос: являются ли люди, которые предстают перед трибуналом, средством для достижения цели установления верховенства права. Ответ – нет, не являются. Более того, Апелляционная камера придерживается той позиции, что устрашение не должно использоваться как основное средство при общей оценке приговоров»¹¹².

Международный уголовный суд, как и большинство теоретиков, не отрицает наличие цели устрашения в международном уголовном праве. Так, параграф 5 преамбула Статута МУС говорит о том, что «государства — участники настоящего Статута ... преисполнены решимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений»¹¹³. Важно отметить, что в прошлом, когда международное уголовное право не имело признаков обязательности, и на практике мало лиц привлекалось к ответственности за совершение международных преступлений, в обществе цель устрашения не воспринималась серьезно, так как люди просто не предполагали саму возможность быть наказанными¹¹⁴. По нашему мнению, такое сомнение привело к тому, что даже создание МТБЮ не привело к прекращению совершений преступлений в бывшей Югославии в период с 1993 по 1995 годы. Здесь, безусловно, стоит отметить тот факт, что трибунал представлял собой молодое международное учреждение, которое приговорило всего лишь несколько людей к тюремному сроку. Более того, ранее существовало мнение, что Трибунал скорее всего будет не против заключения мирового соглашения. Таким образом, этот пример не может быть перенесен на международное

---

¹¹²Prosecutor v. Momir Nikolic' ICTY 2.12.2003 paras. 89–90.

¹¹³Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

¹¹⁴Narhoff, F. Op. cit. P. 147.

уголовное право в целом¹¹⁵. По нашему мнению, в случае, если в международном сообществе удастся создать культуру подотчетности, и национальные суды будут играть значительную роль в судебном преследовании за международные преступления, как предполагали составители Статута МУС, тогда спустя время ситуация может быть оценена по-другому.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в рамках привлечения должностных лиц к ответственности за международные преступления представляется верным говорить о сочетании целей устрашения и возмездия. Во-вторых, применение более сурового наказания к должностным лицам является необходимым, учитывая статус привлекаемых к юридической ответственности лиц. В-третьих, масштаб причиненного вреда, многочисленные человеческие жертвы и другие многочисленные негативные последствия не смогут оправдаться лишь целью возмездия, так как пожизненное заключение или смертная казнь должностного лица, совершившего преступления подобного рода преступления, не загладит причиненный вред в любом случае. В-четвёртых, возмездие в рамках рассмотрения дел международными трибуналами и Международным уголовным судом есть необходимое выражение возмущения международного сообщества к совершённым преступлениям, признанием вреда, который был причинен потерпевшим. Возмездие представляет собой чёткую позицию международного сообщества, согласно которой преступники будут наказаны, и безнаказанность не восторжествует.

1.4 Должностные лица, привлекаемые к юридической ответственности

При разрешении дел, трибуналам необходимо определить тех лиц, которые должны быть привлечены к ответственности. На практике это вызывает много сложностей. Во-первых, данные сложности связаны с тем, что

---

¹¹⁵Williams, P. R. Peace with justice?: War crimes and accountability in the former Yugoslavia. / P. R. Williams, M. P. Scharf. Maryland : Rowman & Littlefield, 2002. P. 170.

единое понятие «должностного лица» отсутствует. Во-вторых, трудности возникают с определением того, каким иммунитетом лицо обладает, и подлежит ли оно уголовной ответственности, соответственно.

Термин «должностное лицо» не определяется однозначно как на международном уровне, так и на национальном. В национальном праве понятие должностного лица различается в зависимости от отрасли права, в международном праве - в зависимости от сферы применения данного термина и органа, издавшего акт, закрепляющий данное понятие.

Главной проблемой при определении понятия «должностного лица» в международном праве является отсутствие единого терминологического инструментария в международно-правовых актах¹¹⁶. Понятие «должностного лица» разнятся даже в актах одного органа. Например, согласно ст. 2 Конвенции ООН против коррупции (2003 г.), под «публичным должностным лицом» понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица»¹¹⁷.

Тем не менее для целей принятия некоторых конкретных мер, понятие «должностного лица» меняется. Так, согласно, данной Конвенции, «под публичным должностным лицом» понимается любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника»¹¹⁸.

---

¹¹⁶Кузнецов, А. П. Дефиниция «должностное лицо» в международном праве и российском законодательстве / А. П. Кузнецов // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 272.

¹¹⁷Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003 // Бюллетень международных договоров. 2006. №10. С. 7-54.

¹¹⁸Там же.

Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией вместо термина «должностное лицо» использует термин «государственный чиновник», т.е. любой человек, который выбран, назначен или избран и который выполняет общественные функции на постоянной или временной основе¹¹⁹.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) определяет «публичное должностное лицо» как публичное должностное лицо или лицо, предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника, в котором данное лицо выполняет такие функции, и как это применяется в уголовном законодательстве этого Государства-участника»¹²⁰.

В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы сказано, что «в случае разбирательства, касающегося какого-либо государственного должностного лица другого государства, государство, осуществляющее преследование может применять определение государственного должностного лица лишь в той степени, в какой это определение не противоречит его национальному праву»¹²¹.

Определением понятия «должностного лица» и «должностного лица государства» занималась Комиссия международного права ООН. В частности, подробное изложение даётся в Предварительном докладе A/CN.4/601 от 2008 и соответствующем комментарии к нему, а также в последующие докладах, представленных специальными докладчиком Р. А. Колодкиным. В материалах указывается, что понятие "должностного лица государства" носит самостоятельный характер и должно пониматься как определение,

---

¹¹⁹Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: принята Организацией американских государств 29 марта 1996 г. // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

¹²⁰Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. № 2. 2005. С. 3-33.

¹²¹Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: принята Организацией американских государств 29 марта 1996 г. // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

используемое для целей проекта статей об иммунитетах¹²², т.е. понятие должностного лица, сформулированное в данных докладах применяется только в вопросах, касающихся ответственности должностных лиц за международные преступления.

Проблема определения «понятия» должностного лица не является единственной, важным является также и объём правовой защиты, которым оно обладает.

Высшее должностное лицо обладает иммунитетом от уголовной юрисдикции. В соответствии с третьим Нюрнбергским принципом «то обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву»¹²³. Статья 27 Римского статута Международного уголовного суда, которая является отражением обычного права, строится на основе этого положения. В дополнение указывается, что и должностное положение как члена парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает его от уголовной ответственности; также подобное должностное положение не является основанием для смягчения приговора (ч. 1). Более того, иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица¹²⁴.

Иммунитет должностного лица от иностранной уголовной юрисдикции обладает следующими характеристиками: «а) подразумевает неосуществление уголовной юрисдикции государством; б) является следствием присутствия

---

¹²²Предварительный доклад [Электронный ресурс]: Док. ООН A/CN.4/601 принят в 2008 г. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp9.pdf>.

¹²³Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала" (приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Москва: БЕК, 1996. С. 101 - 102.

¹²⁴Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

иностранного элемента, который классифицируется как должностное лицо третьего государства; в) имеет процессуальную сущность и не затрагивает ни материально-правовые нормы государства, обладающего юрисдикцией, ни индивидуальную уголовную ответственность лица.»¹²⁵

Отмечается, что «если для международно-правовых отношений нормы иммунитета нацелены на создание благоприятных условий для выполнения дипломатических и иных функций, то в сфере уголовно-процессуальных отношений иммунитет представляет собой набор процессуальных гарантий личной неприкосновенности¹²⁶. Иммунитет должностного лица от иностранной уголовной юрисдикции – это чаще всего иммунитет от судебной и исполнительной юрисдикции. Он обладает не материальным, а процессуальным характером. Также является препятствием для присвоения индивидуальной уголовной ответственности¹²⁷.

Очевидно то, что есть необходимость разграничения иммунитетов должностных лиц данного государства и иммунитетов должностных лиц иностранных государств. В законодательстве РФ норма об иммунитетах должностных лиц государств отсутствует. Отчасти она компенсируется положениями Конституции РФ. Так, согласно ст. 19 Конституции РФ: «1. Все люди равны перед законом и судом. 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения...»¹²⁸ Согласно ст. 4 УК РФ, которая закрепляет принцип равенства граждан перед законом, лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка,

---

¹²⁵Каюмова, А. Р. Иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции: понятие, виды, кодификация / А. Р. Каюмова // Библиотека криминалиста : научный журнал / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Москва, 2015. № 6. С. 285.

¹²⁶Жукова, Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Жукова Наталья Алексеевна. Санкт-Петербург, 2003. С. 65-68.

¹²⁷Каюмова, А. Р. Иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции: понятие, виды, кодификация. С. 284.

¹²⁸Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств¹²⁹.

В Конституции РФ обозначены лица, обладающие иммунитетом от уголовного преследования. В их числе: Президент (ст. 91), а также бывшие президенты и зарегистрированный кандидат, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы (ст. 98), судьи (ст. 122). Положения об иммунитетах иных лиц — Генерального прокурора РФ и прокуроров, членов Счетной палаты РФ и некоторых других — закреплены в различных федеральных законах¹³⁰.

Тем не менее в законодательстве предусмотрены особые процедуры, регулирующие снятие иммунитета для данных должностных лиц. Например, Президент РФ лишается своего иммунитета в случае импичмента, согласно ст. 93 Конституции РФ. Члены Совета федерации и депутаты могут быть лишены неприкосновенности (ст. 98 Конституции РФ).

Статья 448 УПК РФ закрепляет принцип, согласно которому привлечение к ответственности, в частности, возбуждение уголовного дела происходит с согласия органа, членами которого данное лицо является. Исходя из этого, иммунитет по национальному праву не препятствует привлечению к ответственности¹³¹.

По вопросу иммунитетов иностранных должностных лиц, УПК РФ не имеет четкой регламентации. В соответствии со ст. 11 УК РФ, «вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации

---

¹²⁹Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июн.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

¹³⁰Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

¹³¹Глотова, С. В. Иммунитеты должностных лиц государства и ответственность за международные преступления: международное и национальное право / С. В. Глотова // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 132.

разрешается в соответствии с нормами международного права»¹³². По мнению В.М. Лебедева, под «иными гражданами» следует понимать представителей международных организаций, консульских должностных лиц и иных категорий на основе действующих конвенций¹³³.

Иностранные должностные лица могут обладать как функциональным (*ratione materie*), так и персональным иммунитетом (*ratione personae*) от уголовного преследования в национальных судах.

В Предварительном докладе КМП, Комиссия указала, что "должностное лицо государства" охватывает как лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*, так и лиц, пользующихся иммунитетом *ratione materiae*. В дальнейшем, на заседаниях докладчик КМП заявила, что разделение иммунитетов на данные виды - один из немногих эпизодов, по которому в Комиссии сформировался широкий консенсус, что позволило в достаточно короткие сроки сформулировать основные нормативные элементы двух категорий.

Понятие персонального иммунитета предполагает использование следующих характеристик: «полный», «абсолютный», «безусловный». На первый взгляд может показаться, что иммунитет носит неограниченный характер, но, на самом деле, иммунитет *ratione personae* ограничен по кругу субъектов. На протяжении исторического развития только глава государства обладал абсолютным иммунитетом, ибо он был олицетворением суверенного государства. Тем не менее такие факторы, как разрастание числа функций государства, увеличение государственного аппарата, глобализация международных отношений способствовали наделению иммунитетом *ratione personae* других лиц, помимо главы государства.

Традиционно должностных лиц, претендующих на пользование персональным иммунитетом, можно классифицировать на четыре категории: глава государства и глава правительства, министр иностранных дел, другие

---

¹³²Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июня.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня.

¹³³Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва, 2012. С. 69.

высокопоставленные должностные лица, а также некоторые должностные лица более низкого ранга. В качестве последних лиц могут выступать, например, дипломатические агенты.

Положения об иммунитетах должностных лиц были представлены на 59-ой сессии Комиссии международного права. В специальном докладе было отражено понятие иммунитета и юрисдикции, а также проведена разница между иммунитетом *ratione personae* и иммунитетом *ratione materiae*. В докладе были определены основные нормативные элементы, составляющие режим иммунитета *ratione personae*. В соответствии со ст. 3 Текста проектов статей об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, иммунитетом *ratione personae* от осуществления иностранной уголовной юрисдикции обладают главы государств, главы правительств и министры иностранных дел¹³⁴. Таким образом, КМП ограничила субъектов персонального иммунитета данными должностными лицами государств. Тем не менее, существующая практика государств не всегда соответствует данному положению.

В истории развития теории абсолютного иммунитета ключевым является дело об ордере на арест, сторонами которого были Демократическая Республика Конго и Бельгия¹³⁵. В решении МУС было закреплено, что «В международном праве основополагающей является позиция, согласно которой помимо дипломатических и консульских агентов, иммунитетами от юрисдикции других государств, как гражданской, так и уголовной, обладают такие лица как глава государства, глава правительств и министр иностранных дел»¹³⁶. В доктрине международного права данное положение вызвало споры.

Одна группа юристов утверждает, что министры иностранных дел не обладают тем же иммунитетом, которым обладают главы государств.

---

¹³⁴ Доклад Комиссии международного права о работе её шестьдесят пятой сессии (6 мая–7 июня и 8 июля–9 августа 2013 года) [Электронный ресурс] // Ежегодник комиссии международного права. Режим доступа: <http://legal.un.org>.

¹³⁵ Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002, par 85. [Electronic resource] // Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-05-EN.pdf>.

¹³⁶ Ibid.

Например, судьи Хиггинс, Коойманс и Бюргенталь, не видят оснований для того, чтобы наделять министров иностранных дел таким же иммунитетом, как и у глав государств¹³⁷. По нашему мнению, позиция судьи Ван ден Вингарт, которая указала, что установившаяся практика в отношении «безусловного» иммунитета отсутствует, представляется более обоснованной. Отмечается, что «негативная практика» государств не может сама по себе являться свидетельством *opinion juris*¹³⁸. Схожую позицию выразил судья аль-Хасауна, который отметил отсутствие практики по данному вопросу¹³⁹.

Интересной представляется позиция Д. Аканде и С. Шах, которые приходят к выводу, что наличие безусловного иммунитета вытекает из принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Они говорят о том, что наделение иммунитетом глав государств обосновано той важной функцией, которую они выполняют, а именно управление страной. Исходя из этого, они считают оправданным наделение глав государств данным иммунитетом. В вопросе же наделения иммунитетом министра иностранных дел, они считают, что обладание данными лицами иммунитетом *rationae personae* нарушает «равновесие между принципом суверенного равенства и уважением к нормам международного и национального права»¹⁴⁰.

В данном вопросе мы согласны с Е.С. Кордюковой, которая говорит о том, что подобная позиция приводит к регрессу в развитии международного права и наделение иммунитетом других лиц, помимо глав государств, является целесообразным и своевременным шагом в развитии международного права.

На практике во многих государствах подобная трактовка дала основание к наделению иммунитетом иных высокопоставленных должностных лиц. Например, используя формулировку Международного суда ООН, был признан

---

¹³⁷Ibid.

¹³⁸Dissenting opinion of Judge ad hoc van den Wyngaert. Par. 13 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-09-EN.pdf>.

¹³⁹Dissenting opinion of Judge Al-Khasawneh Par. 1 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/90/090-20031106-JUD-01-06-EN.pdf>.

¹⁴⁰Akande D. Immunities of state officials, international crimes, and foreign domestic courts/ D. Akande, S. Shah // European Journal of International Law. 2010. T. 21. № 4. С. 825.

иммунитет министра коммерции и международной торговли КНР Бо Силяя¹⁴¹. Данное положение способствовало признанию персонального иммунитета министра обороны Ш. Мофаза¹⁴². В практике имеют место случаи отказа в признании иммунитета за должностным лицом государства. В качестве примера можно привести решение Федерального уголовного суда Швейцарии от июля 2012 г., который отказал в предоставлении иммунитета бывшему министру обороны Алжира, обосновав это тем, что это нарушает принцип универсальной юрисдикции¹⁴³.

Среди государств также есть как сторонники расширительного подхода в плане наделения персонального иммунитета, так и те, которые согласны с ограничением субъективной сферы главами государств, главами правительств и министрами иностранных дел. В частности, в процессе обсуждения данной темы на заседании Шестого комитета Австрия, Германия, Индонезия, Иран, Испания, Италия, Корея, Малайзия, Монголия, Сингапур, Тайланд, Чехия и другие государства поддержали позицию КМП о наделении глав государств, глав правительств и министров иностранных дел персональным иммунитетом. Беларусь, Великобритания, Израиль, Индия, Ирландия, Китай, Польша, Россия, напротив, выступили за наделение иммунитетами других должностных лиц, помимо этих должностных лиц.¹⁴⁴ Среди предложений государств выделяются две основные позиции: предоставление иммунитета отдельным министрам (Швейцария, Норвегия, Индия) и введение определенных критериев для определения круга должностных лиц, которые пользуются персональным иммунитетом (Япония, Чили, Ирландия).

---

¹⁴¹Re Bo Xilai, England, Bow Street Magistrates' Court, Judgment of 8 November 2005 [Electronic resource] // Oxford Public International Law. Mode of access: [https://opil.ouplaw.com/oxlaw/entryview/viewoxlawoxchap/10.1093\\$002flaw:ildc\\$002f429uk05.case.1\\$002flaw-ildc-429uk05](https://opil.ouplaw.com/oxlaw/entryview/viewoxlawoxchap/10.1093$002flaw:ildc$002f429uk05.case.1$002flaw-ildc-429uk05).

¹⁴² District Court (Bow Street), Re General Shaul Mofaz, Judgment of 12 February 2004 [Electronic resource] // Google books Official Website. Mode of access: [https://books.google.ru/books?id=iZ9DwAAQBAJ&pg=PR18&lpg=PR18&dq=District+Court+\(Bow+Street\),+Re+General+Shaul+Mofaz](https://books.google.ru/books?id=iZ9DwAAQBAJ&pg=PR18&lpg=PR18&dq=District+Court+(Bow+Street),+Re+General+Shaul+Mofaz).

¹⁴³Decision of the Swiss Federal Criminal Court [Electronic resource] : File № BB.2011.140 dated 25 July 2012 // Asser Institute Official Website. Mode of access : http://www.asser.nl/upload/documents/20130221T040104-Nezzar_Judgm_Eng_translation%2025-07-2012.pdf.

¹⁴⁴Кордюкова, Е. С. Субъекты персонального иммунитета в международном праве / Е. С. Кордюкова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 15.

Действительно, закрепление определенных критериев для определения круга должностных лиц, которые пользуются персональным иммунитетом, по нашему мнению, является полезным с научной и практической точки зрения. Так, представляется верным ввести следующие критерии: высокий ранг; участие в представительстве государства в сфере международных отношений, предполагающее въезд должностного лица на территорию иностранного государства; выполнение должностным лицом функций, связанных с охраной суверенитета и безопасности государства. Данное решение представляется нам наиболее оптимальным, и оно имеет огромное практическое значение. Введение критериев для должностного лица на международном уровне устранило бы своеволие национальных судов по предоставлению иммунитетов. Ведь в ситуациях, когда министр обороны одной страны наделён иммунитетом, а министр другой страны – нет, можно говорить о нарушениях принципов невмешательства во внутренние дела государств и суверенного равенства.

Представляется верным, разделить персональный иммунитет на два вида: иммунитет глав государств, глав министерств иностранных дел и правительств, который распространяется на все действия должностных лиц (личные и официальные), второй вид иммунитета – иммунитет иных высокопоставленных должностных лиц, действия которых должны соответствовать определенным критериям, чтобы попадать в рамки иммунитета *ratione personae*.

Персональный иммунитет распространяется на действия, осуществляемые им как в официальном, так и в личном качестве. Также он предусматривает возможность его использования до занятия должности¹⁴⁵.

Все действующие и бывшие должностные лица пользуются функциональным иммунитетом (*ratione materiae*). Данные лица обладают им, так как их действия являются действиями самого государства, на службе у которого они находятся¹⁴⁶. Как указывает С.В. Глотова, «лицо защищено

---

¹⁴⁵Глотова, С. В. Иммунитеты должностных лиц государства и ответственность за международные преступления: международное и национальное право. С. 127-135.

¹⁴⁶Предварительный доклад [Электронный ресурс]: Док. ООН A/CN.4/601 принят в 2008 г. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp9.pdf>.

иммунитетом в отношении действий, совершенных им в бытность должностным лицом; на него не влияет характер пребывания за границей: с официальным визитом или в личном качестве»¹⁴⁷. Как правило, действие иммунитета *ratione materie* связано с выполнением тем или иным должностным лицом, наделённым полномочием государства, определенных функций.

По мнению судьи Лорд Браун-Уилкинсон, иммунитет *ratione materiae* «применим ко всем должностным лицам государства, которые были вовлечены в выполнение функций этого государства»¹⁴⁸.

Относительно вопроса субъектов, обладающих иммунитетом *ratione materie*, отметим, что КМП не указала определенных субъектов, используя метод перечисления *eo nomine*. В комментариях к Проекту статей «с учетом как широкой номенклатуры должностей, на которых распространяется такой иммунитет, так и разнообразия национальных правовых систем, в рамках которых определяется, кого считать должностными лицами соответствующего государства, Комиссия МП отмечает, что не видит возможности выработать исчерпывающий перечень, который включал бы в себя всех лиц, пользующихся иммунитетом *ratione materiae*»¹⁴⁹. Исходя из неудобной процедуры определения субъектов, обладающих иммунитетом *ratione materie*, Комиссия МП указала, что государство должно определять круг таких лиц самостоятельно, используя критерии, которые включены в определение и позволяют определить наличие особой связи между государством и соответствующим должностным лицом. В качестве таких критериев названы представление государства и осуществления государственных функций. Под «представлением государства» понимается выполнение любым «должностным лицом государства» представительских функций. В вопросе определения понятий «функций государства» КМП придерживается широкого смысла данного понятия, указывая, что под ней

---

¹⁴⁷Глотова, С. В. Иммунитеты должностных лиц государства и ответственность за международные преступления: международное и национальное право. С. 131.

¹⁴⁸*Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others Ex Parte Pinochet: Judgment of 24 March 1999* [Electronic resource] // House of Lords of the United Kingdom. Mode of access: <https://www.publications.parliament.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pino1.htm>.

¹⁴⁹Предварительный доклад [Электронный ресурс] : Док. ООН А/CN.4/601 принят в 2008 г. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp9.pdf>.

следует понимать «непосредственную деятельность государства»¹⁵⁰. К ним относятся судебные, исполнительные и законодательные и иные функции, присущие государству. Таким образом, отличием персонального иммунитета от функционального является юридическая привязка личности бенефициара, влекущая за собой персональные, предметные и временные разграничения. В первом случае речь идет об ассоциации с государством в личном качестве, во втором – связана с выполнением официальных функций.

Суммируя вышесказанное, мы считаем, что ограничивать в наделении персональным иммунитетом только глав государств, глав министерств внутренних дел и правительства, представляется не верным, ибо является нарушением принципов международного права и не отвечает требованиям международных отношений государств. Принимая во внимание судебную практику и деятельность КМП, обоснованным является разграничение иммунитетов на иммунитеты *ratione personae* и *ratione materiae*. Представляется верным ввести следующие международные критерии, позволяющие определить субъектов персонального иммунитета: высокий ранг; участие в представительстве государства в сфере международных отношений, предполагающее въезд должностного лица на территорию иностранного государства; выполнение должностным лицом функций, связанных с охраной суверенитета и безопасности государства.

2 Привлечение к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления

2.1 Юрисдикция международных трибуналов, стороной в которых выступают физические лица

За совершение международных уголовных преступлений должностные лица привлекаются к ответственности. Они могут быть привлечены к

---

¹⁵⁰Там же.

ответственности национальными судами, если это предусмотрено законодательством. Однако, если национальные суды не привлекают должностное лицо к ответственности, то, в таком случае, это может сделать международный трибунал.

В доктрине ведутся дискуссии по поводу субсидиарности или комплементарности юрисдикции международных уголовных трибуналов. Проблема определения моделей взаимоотношения национальных и международных органов правосудия возникла четверть века назад в связи с учреждением в начале 90-х годов прошлого столетия международных уголовных трибуналов *ad hoc* для преследования лиц, виновных в совершении тяжких международных преступлений на территории бывшей республики Югославии (Международный трибунал по бывшей Югославии) и Руанды (Международный трибунал по Руанде). Как отметил Н.А. Сафаров, «уже в самом начале процесса учреждения международных трибуналов было ясно, что концепция сотрудничества с ними должна отличаться от концепции межгосударственного сотрудничества», поскольку принципы национальных правовых систем не могли быть механически перенесены в сферу взаимоотношений государств с международными трибуналами»¹⁵¹.

Юридическая модель «горизонтальных» и «вертикальных» взаимоотношений национальных и международных судебных органов была предложена МТБЮ в 1997 году в решении по делу *Prosecutor v. Tihomir Blaskic*¹⁵². Трибунал подчеркнул, что «обычно индивиды, являющиеся субъектами суверенной компетенции государств, могут быть судимы только национальными судами. Если же национальный суд намеревается преследовать лицо, подпадающее под юрисдикцию другого государства, как правило, это основывается на договорах о правовом сотрудничестве (*treaties of judicial*

---

¹⁵¹Сафаров, Н. А. Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели / Н. А. Сафаров // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. Москва, 2009. С. 434.

¹⁵²*Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Appeals Chamber, Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997, 29 October 1997. Para. 47. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/case/blaskic/4>.*

cooperation) либо, если таких договоров нет – на добровольном межгосударственном сотрудничестве (*voluntary interstate operation*). Таким образом, отношения между национальными судами различных государств являются «горизонтальными» по своей природе¹⁵³.

В 1993 году Совет Безопасности ООН впервые учредил международный уголовный трибунал, наделенный юрисдикцией над лицами, проживающими в суверенных государствах, будь то государства (входившие в состав) бывшей Югославии, либо третьей страны, дополнительно согласившиеся с приматом международного трибунала над национальными судами. Таким образом, была установлена «вертикальная» связь, по крайней мере в части, касающейся судебных полномочий международного трибунала...»¹⁵⁴. С этого момента в международно-правовой доктрине прочно укрепился подход, который заключается в «горизонтальном» (*inter-state*) и «вертикальном» (*supra-state*) соотношении юрисдикции национальных и международных уголовных судов. «Горизонтальная» взаимосвязь судебных органов государств, согласно концепции субсидиарности, предполагает преимущество территориальной и экстратерриториальной юрисдикции перед универсальным принципом. Седрик Рингерт называет ее «горизонтальной комплементарностью»¹⁵⁵. Ф. Джессберг пишет, что «несмотря на отличие горизонтальной взаимосвязи между юрисдикцией двух государств от вертикальных взаимоотношений между государством и МУС, «принцип комплементарности» может быть постепенно внедрен в практику межгосударственных отношений»¹⁵⁶. Отметим, что в вопросе «вертикальных» взаимоотношений судов национального и международного уровня, в доктрине нет единого мнения. Однако по мнению отдельных исследователей,

---

¹⁵³Каюмова, А.Р. Механизм позитивной комплементарности в современной практике международного уголовного суда / А.Р. Каюмова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. №3. С. 39.

¹⁵⁴Сафаров, Н. А. Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели. С. 434-435.

¹⁵⁵Ryngaert, C. Horizontal Complementary Jurisdiction of Bystander States in the Prosecution of International Crimes under the Universality Principle // Leuven Centre for Global Governance Studies. 2010. P. 6.

¹⁵⁶Ibid.

субсидиарный характер международной уголовной юрисдикции обусловлен введением принципа комплементарности Международного уголовного суда.

В международно-правовой практике выявлено три основных модели взаимоотношения органов международного и национального правосудия.

Устав Нюрнбергского трибунала установил исключительную модель юрисдикции суда над главными военными преступниками Второй мировой войны из числа высших должностных лиц Германии. В отношении других лиц, виновных в совершении тяжких преступлений во время войны, юрисдикция предоставлялась странам, где были совершены соответствующие преступления¹⁵⁷.

В отличие от Нюрнбергской модели, Уставы трибуналов *ad hoc* устанавливают «параллельную юрисдикцию». Этот термин используется для обозначения как юрисдикции самого трибунала, так и возможностей национальных судебных органов осуществлять юрисдикцию. В качестве примера выступает Статут Международного уголовного Трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), который исходит из приоритета юрисдикции Трибунала над национальными судами: «Юрисдикция Международного трибунала имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал может официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу в соответствии с Уставом» (ст. 9)¹⁵⁸.

Статут закрепляет обязательства государств сотрудничать с Трибуналом, осуществляя различные процессуальные мероприятия, в частности: опознание и установление местонахождения лиц; снятие свидетельских показаний и производство действий по сбору доказательств; вручение документов; арест и

---

¹⁵⁷Essays on the Rome Statute of the International Criminal Court: legal anthology / Acquista ; ed. P. Benvenuti F. Lattanzi, W. Schabas. Ripa Fagnano Alto: Fonte di Sotto, 1999. P. 21.

¹⁵⁸Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии [Электронный ресурс]: принят 25 мая 1993 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

задержание лиц; выдачу и передачу обвиняемых Международному трибуналу (ст. 29)¹⁵⁹.

Аналогичные положения содержатся в Статуте МУТР (ст. 8)¹⁶⁰, Уставах Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 8)¹⁶¹, Специального трибунала по Ливану (ст. 4)¹⁶². Параллельная юрисдикция в том виде, в каком она закреплена в учредительных актах международных уголовных трибуналов *ad hoc*, далеко небезупречна по той причине, что трибуналы имеют особый правовой статус, вытекающий из их учреждения на основе резолюций Совета Безопасности ООН в качестве подведомственных органов Совета и, как следствие этого, они являются обязательными для стран-участниц ООН. Приоритет, которым были наделены трибуналы, стал причиной острой полемики, поскольку, по мнению государств, размывает понятие государственного суверенитета.

Правомерность создания трибуналов *ad hoc* на основании резолюций Совета Безопасности ООН рассматривалась и до сих пор обсуждается в российской и зарубежной международно-правовой доктрине¹⁶³. Например, Бенджамин Ференц, один из обвинителей, принимавших участие на Нюрнбергском процессе, после учреждения МТБЮ задавался вопросом: «Как могут право вето и прокурорские полномочия Совета Безопасности ООН быть связаны со справедливым и беспристрастным судебным разбирательством?»¹⁶⁴.

Критикуя политическую ангажированность Трибунала по Югославии, Ганс Кёхлер пишет, что: «будучи создан Советом Безопасности, он никогда не был в состоянии установить свои полномочия в качестве подлинного и независимого суда... что было продемонстрировано во многих случаях и по

---

¹⁵⁹Там же.

¹⁶⁰Устав Международного трибунала по Руанде [Электронный ресурс]: принят в 1994 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901960>.

¹⁶¹Устав Специального суда по Сьерра-Леоне [Электронный ресурс]: принят 16 января 2002 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/charter_sierra.pdf.

¹⁶²Устав Специального трибунала по Ливану [Электронный ресурс]: принят в 2007 г. // Официальный сайт ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/special_tribuna_llebanon.pdf.

¹⁶³Мезяев, А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале : записки из зала суда / А. Б. Мезяев. Казань : Титул-Казань, 2006. С. 20.

¹⁶⁴Ferencz, V. V. An International Criminal Code and Court: Where They Stand and Where They're Going / V. V. Ferencz // Columbia Journal of Transnational Law. 1992. P. 378.

многим фактам»¹⁶⁵. Среди них ученый особо выделил: отказ Трибунала расследовать поведение персонала и должностных лиц стран НАТО в связи с предполагаемыми нарушениями норм международного гуманитарного права в результате бомбардировок Югославии в 1999 году; применение «двойных стандартов» при квалификации действий бывших командиров Освободительной Армии Косово в декабре 2005 года; обвинения сербских высших должностных лиц сразу после встречи прокурора МТБЮ Карлы дель Понте с главами европейских стран; а также заявления Прокурора о содействии вступлению Хорватии в Европейский Союз, что «свидетельствует о неспособности ее Канцелярии разграничивать политику и судебное производство»¹⁶⁶.

Принципиально новой формой соотношения международной и национальной уголовной юрисдикции стала формула комплементарности,¹⁶⁷ закрепленная в Римском статуте Международного уголовного суда. Римский статут МУС создал модель юрисдикции, которая не согласуется ни с одной из существующих моделей национальной уголовной юрисдикции, ни с существующей в рамках трибуналов *ad hoc* международной уголовной юрисдикцией. В его основе лежит признание концепции Международного уголовного суда в качестве органа, дополняющего национальные судебные органы.

Комплементарность является фундаментальным принципом, на котором строится корреляция правовых порядков Международного уголовного суда и государств-участников Статута. Принцип дополнительности (комплементарности) устанавливает, что юрисдикция МУС вводится только в том случае, когда национальные правовые системы не могут или не желают осуществлять юрисдикцию. Таким образом, в случаях совпадения юрисдикций национального суда и Международного уголовного суда, первая из них в

---

¹⁶⁵Köchler H. Universal Jurisdiction and International Power Politics: Ideal versus Real. Yeditepe'de Felsefe, Istanbul, 2006. P. 6-7.

¹⁶⁶Köchler, H. Op. cit. P. 9.

¹⁶⁷Каюмова, А. Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции / А. Р. Каюмова // Государство и право. 2009. № 1. С. 84.

принципе имеет приоритет. МУС не ставит целью заменять национальные суды и действует только тогда, когда они не осуществляют правосудие.

В современном мире наблюдается взаимозависимость государств в различных областях, возрастает количество вопросов, которые можно решить только коллективно, с помощью международных объединений. Государству сегодня отводится новая роль в более широком международном аспекте, когда межправительственные институты и наднациональные организации берут на себя ряд функций, которые прежде были свойственны государству. Данные изменения наиболее ярко можно проследить на примере международных уголовных трибуналов. Для того, чтобы осуществлять правосудие над лицами вне зависимости от их национальной принадлежности, они должны обладать признаками наднациональности.

Идея наделения универсальной международной организации элементами наднациональности, и создание в ее рамках наднационального, «всемирного» правительства активно развивалась в трудах зарубежных ученых начала и середины прошлого столетия: Г. Лаутерпахта, Г. Кельзена, И. Кунца, Д. Анцилотти, Ф. Джессепа, Г. Шварценбергера и многих других. Например, Г. Лаутерпахт утверждал, что только под защитой и через посредничество такой всеобщей организации, облеченной подавляющей и принудительной силой для создания, утверждения и применения норм международного права, последнее может преодолеть имеющиеся в нем в настоящее время несовершенства¹⁶⁸.

Наднациональность, с одной стороны, рассматривают как принцип международного права, с другой – как правовое явление. Понятие «наднациональность» появилось в зарубежной литературе после создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). В основу построения и функционирования правового механизма ЕОУС была положена идея, согласно которой риск развязывания новой войны между странами Западной Европы будет существенно снижен, если институтам экономического сообщества

---

¹⁶⁸Оппенгейм, Л. Международное право / Л. Оппенгейм. Москва : Государственное издательство иностранной литературы, 1948. С. 252-253.

передать значительные полномочия по управлению угольной и сталелитейной промышленностью. В Договоре об учреждении ЕОУС под наднациональностью понималась независимость членов Верховного органа от указаний или воздействий со стороны государств-членов. Вместе с тем Договор об учреждении ЕОУС не содержал юридического определения данного понятия.

В российской доктрине нет устоявшегося определения наднациональности. А. С. Фещенко, один из первых российских ученых, занимавшийся данной проблемой, определяет наднациональность как совокупность полномочий (юридически закрепленных или подразумеваемых), которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования их взаимоотношений, причем эти полномочия имеют приоритетный характер по отношению к соответствующей компетенции стран-членов, включая возможность принятия обязательных для них решений»¹⁶⁹.

М. Л. Костенко и Н. В. Лавренова считают, что основной характеристикой наднациональности является приоритет компетенции международной организации по отношению к компетенции ее членов в определенных областях, ранее относившихся к сфере осуществления их суверенных прав и добровольно переданных международной организации¹⁷⁰.

Так, Г. И. Тункин утверждает, что организация, наделенная наднациональными полномочиями, остается межгосударственной организацией, а не мировым правительством¹⁷¹.

А. Э. Толстухин выделяет четыре основных признака наднациональности:

- 1) наднациональная власть является иерархически более высокой по сравнению с государственной властью;
- 2) власть эта должна быть независимой от государств-членов;
- 3) волеизъявление наднациональной организации должно

---

¹⁶⁹Фещенко, А. С. Явление наднациональности в деятельности международных организаций / А. С. Фещенко // Советский Ежегодник международного права 1987. Москва: Изд-во «Наука». 1988. С. 163.

¹⁷⁰Костенко, М. Л. К вопросу о наднациональности и особенностях права ЕС / М. Л. Костенко, Н. В. Лавренова // Европейская интеграция: правовые проблемы. Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1992 С. 42.

¹⁷¹Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. Москва: Зерцало-М, 2019. С. 250-252.

иметь нормативную силу и прямое действие на территории государств-членов;

4) институты организации должны иметь возможность самостоятельно расширять пределы своей компетенции¹⁷². И, наконец, в одном из последних исследований наднациональность определяется как правовое качество международной организации, позволяющее ей, в соответствии с утвержденной государствами-членами процедурой, принимать решения обязательного характера, в том числе без прямого согласия на то заинтересованного государства¹⁷³. Несмотря на некоторую противоречивость приведенных определений, ряд элементов наднациональности выделяется всеми авторами, и один из них касается возможности органов организации принимать юридически обязательные для государств решения, иначе говоря, осуществлять предписывающую юрисдикцию.

В вопросе национальности, мы согласны с позицией А.С. Фещенко¹⁷⁴, который понимает её как совокупность полномочий организации, которая получила её в результате её передачи государствами, так как, по нашему мнению, юрисдикция международных уголовных судов включает в себя часть юрисдикции отдельных государств, в результате чего данные организации и приобретают признаки автономности в принятии решений над должностными лицами государств.

Правовая природа международных уголовных судов отличает одна особенность: эти суды, кроме Международного уголовного суда, создавались каждый раз для особого случая; фактически не только трибуналы для Югославии и Руанды являются судами *ad hoc*. Такую же природу имели и Нюрнбергский и Токийский трибуналы; смешанные уголовные суды для наказания за серьёзные нарушения прав человека также создавались специально после совершения геноцида, но тем не менее всегда имелись в виду

---

¹⁷²Толстухин, А. Э. О наднациональном характере Европейского Союза / А. Э. Толстухин // Московский журнал международного права, 1997. С. 9.

¹⁷³Моисеев, А. А. Суверенитет государства в международном праве: учебное пособие / А. А. Моисеев. Москва: Восток-Запад, 2009. С. 78-79.

¹⁷⁴Фещенко, А. С. Явление наднациональности в деятельности международных организаций. С. 162.

совершенно конкретные события, будь то в Сьерра-Леоне, в Восточном Тиморе, в Камбодже или в Ливане.

Исключительный характер правовой природы международных уголовных трибуналов основан на исключительности самого института привлечения к уголовной ответственности отдельных лиц, хотя эта ответственность наступает за нарушение обязательств, принятых не ими, а государствами. «Их ответственность, - пишет С. В. Черниченко, - наступает во исполнение обязательства государств, предусмотренного в соответствующих нормах международного права»¹⁷⁵, поскольку ответственность государства за международные преступления может реализовываться в различных формах и видах согласно существующему международному праву.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, международные уголовные трибуналы, будучи субъектами привлечения к ответственности, выстраивают свою деятельность на основе различных принципов юрисдикции. Устав Нюрнбергского трибунала предполагает исключительную юрисдикцию суда над главными преступниками и юрисдикцию национальных судов в отношении других лиц, юрисдикция Международного уголовного суда и национальных судов основана на принципе комплементарности, юрисдикция других судов *ad hoc* – на принципе «параллельной юрисдикции». Под наднациональностью, которой должны обладать трибуналы, понимается совокупность полномочий организации, которая была передана государствами.

2.2 Процессуальные аспекты привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления

Специфика процесса в международных уголовных судебных учреждениях состоит в особом значении стадии подготовки к слушанию дела, которая включает в себя предварительное расследование, осуществляемое

---

¹⁷⁵Черниченко С. В. Теория международного права. Старые и новые теоретические проблемы. / С. В. Черниченко. Москва : НИМП, 1999. С. 436-437.

специальным должностным лицом суда – обвинителем, и досудебное разбирательство, осуществляемое в Международном уголовном суде специальным структурным подразделением, которого нет ни в одном другом международном судебном учреждении, палатой предварительного разбирательства.

Право начала производства в международных уголовных трибуналах и МУС принадлежит обвинителю. Обвинитель начинает предварительное расследование на основании собственной информации, а также информации, полученной из любого источника, прежде всего от правительств, органов ООН, межправительственных и неправительственных организаций.

Если обвинитель придёт к заключению, что в ходе уголовного преследования лица в национальном суде за деяния, подпадающие под юрисдикцию международного трибунала, это деяние было квалифицировано как обычное уголовное преступление, или расследование проводилось небеспристрастно или необъективно и имело целью укрыть обвиняемого от ответственности, или же дело лица имеет особое значение для работы трибунала, то обвинитель вправе поставить вопрос о передаче дела и обвиняемого Международному трибуналу. Если судебная палата согласится с предложением обвинителя, то государство обязано выполнить данное требование.

Судебная палата Трибунала принимает решение о передаче дела национальным судебным органам, обязательно заслушав мнение обвиняемого, или по собственной инициативе, или по предложению обвинителя в том случае, если власти данного государства готовы должным образом провести уголовное преследование данного лица и если международный трибунал сочтет уместным, чтобы наказание этого лица было произведено именно национальным судом.

Если говорить о МУС, то дело также возбуждает обвинитель. О своем решении он сообщает палате по досудебным разбирательствам и всем заинтересованным государствам, организациям, лицам. В свою очередь, Совет

Безопасности ООН имеет право своей специальной резолюцией начинать или продолжать уголовное преследование по определенному делу.

Если обвинитель принял решение о возбуждении уголовного дела, он уведомляет об этом государства. Заинтересованное государство может известить о начатом судебном расследовании, или согласиться с тем, чтобы преследование осуществлял МУС, либо проигнорировать сообщение. В двух последних случаях обвинитель направляет в палату предварительного производства ходатайство о разрешении проведения предварительного расследования¹⁷⁶.

Затем, в случае если палата придёт к выводу о том, что преступление совершено, и оно подпадает под юрисдикцию Трибунала, то палата дает разрешение на проведение предварительного следствия.

Подсудность дела Международному уголовному суду может оспариваться различными заинтересованными сторонами, и Статут не определяет конкретную стадию процесса, на которой этот спор должен быть разрешен.

На этапе предварительного расследования государства обязаны выполнять любые просьбы об оказании помощи или иные постановления судебных палат трибуналов.

В отличие от МТБЮ и МУТР, чьи полномочия опираются на резолюции Совета Безопасности ООН, имеющих силу на территории всех государств, полномочия обвинителя МУС по проведению предварительного расследования распространяются: 1) на территорию государств – участников Суда; 2) на территорию государств – не участников Суда, с которыми в соответствии с п. 5 ст. 87 Статута Суда заключено специальное соглашение о сотрудничестве¹⁷⁷.

---

¹⁷⁶Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource]: // International criminal court Official Website. Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>; Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia [Electronic resource]: // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/sid/136>; Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for Rwanda [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website Mode of access: <https://www.google.com/search?q=rules+of+procedure+and+evidence+of+the+international+tribunal+for+rwanda&oq=Rules+of+Procedure+and+Evidence+of+rwa&aqs=chrome.1.69i57j0l2.5336j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8#>.

¹⁷⁷Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

Следственные действия проводятся либо обвинителем и сотрудниками его службы, либо правоохранительными органами соответствующего государства, однако, в любом случае обвинитель должен действовать с согласия властей государства участника.

Трибунал принимает решение о необходимости ареста подозреваемого. Дежурный судья дает свое согласие на выдачу постановления о передаче подозреваемого Международному трибуналу в случае: если обвинитель просил о задержании или лицо уже арестовано; есть основания полагать, что лицо может совершить преступление, подпадающее под юрисдикцию Трибунала; задержание необходимо для предотвращения бегства лица. Получив данное постановление, государство обязано принять все меры по розыску лица.

После передачи подозреваемого трибуналу он вместе с защитником должен предстать перед судьёй для того, чтобы судья убедился в соблюдении процессуальных прав задержанного.

Собрав в ходе предварительного расследования достаточное количество доказательств, обвинитель подготавливает текст обвинительного акта и направляет его Секретарю Трибунала. По итогам рассмотрения обвинительного акта судья вправе подтвердить все или некоторые пункты обвинения, отвергнуть все или некоторые пункты обвинения¹⁷⁸.

Также обвиняемый в кратчайшие сроки обязан предстать перед ведущей его дело палатой для выяснения вопроса, признает ли он себя виновным в отношении новых выдвинутых против него обвинений или нет. Одновременно с утверждением обвинительного акта судья вправе подписать ордер на арест обвиняемого.

В открытом заседании обвинитель представляет судебной палате обвинительный акт, а также собранные по делу доказательства. Также могут быть заслушаны свидетели¹⁷⁹.

---

¹⁷⁸Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

¹⁷⁹Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource]: // International Criminal Court Official Website Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

На данном этапе у лица есть определенный срок, чтобы дать ответ на вопрос, признает он себя виновным или нет. Если он не признает себя виновным или невиновным, то палата назначает дату рассмотрения дела по существу. Если обвиняемый не даёт определенного ответа, то палата признаёт его считающим себя невиновным и направляют дело на судебное рассмотрение. Трибунал может не принять признания вины, если убедится, что признание было недобросовестным или что материалы дела не содержат достаточно убедительных доказательств вины обвиняемого.

С момента передачи обвиняемого трибуналу ведение дела переходит от обвинителя к судебной палате.

Сам судебный процесс заключается в следующем: вступительные заявления, представление доказательств, заключительные аргументы, обсуждения. Если судебная палата не примет иного решения, представление доказательств в судебных процессах следует состязательной модели: доказательства обвинения, доказательства защиты, доказательства обвинения при опровержении, доказательства защиты в ответ, доказательства, запрошенные палатой, доказательства относительно вынесения приговора¹⁸⁰. Схема МУС оставляет место для другого подхода, основанного на инквизиторских началах: разделения при рассмотрении доказательств свидетелей обвинения и защиты либо отсутствуют, либо менее выражены¹⁸¹. Также наличествует более свободная схема допроса, начинающаяся с заявления и вопросов судей, а не сторон.

Приговор Международного уголовного суда, а также все иные постановления, относящиеся к определению размеров наказания и возмещения вреда, объявляются на открытом заседании в присутствии, если это возможно,

---

¹⁸⁰Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource]: // International Criminal Court Official Website Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>; Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia [Electronic resource]: // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/sid/136>; Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for Rwanda [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website Mode of access: <https://www.google.com/search?q=rules+of+procedure+and+evidence+of+the+international+tribunal+for+rwanda&oq=Rules+of+Procedure+and+Evidence+of+rwa&aqs=chrome.1.69i57j0l2.5336j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8#>.

¹⁸¹Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource]: // International Criminal Court Official Website Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

обвиняемого, обвинителя, потерпевших и их представителей, а также представителей заинтересованных государства.

Должностные лица государств, как и обычные физические лица, привлекаемые к ответственности за уголовные преступления, предусмотренные внутренним законодательством страны, имеют процессуальные гарантии.

Нюрнбергский трибунал над бывшими руководителями гитлеровской Германии являлся трибуналом, положения устава которого послужили основой для всех следующих международных уголовных трибуналов. Основные принципы привлечения к ответственности должностных лиц закреплены Нюрнбергским трибуналом. По итогам рассмотрения Трибунал приговорил Иоахима фон Риббентропа, министра иностранных дел Германии, и ряд других должностных лиц к смертной казни.

Основополагающим моментом, который способствовал развитию уголовного процесса в области привлечения к ответственности должностных лиц государств, стало признание Нюрнбергским Трибуналом семи принципов. Принципы закрепляли, что «всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию.»¹⁸² Закреплено, что «то обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказание за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву»¹⁸³.

Именно деятельность Нюрнбергского Трибунала явилась первым и самым важным вкладом в создание международного уголовного процесса. Трибунал заложил основы международного уголовного судоустройства. Данные принципы в дальнейшем нашли своё отражение в статутах международных уголовных трибуналов.

---

¹⁸²Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml.

¹⁸³Там же.

В трибуналах источником процессуальных гарантий является Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Уставы МТБЮ, МУТР и МУС основывают свои положения, закрепляя права обвиняемых, порядок судоустройства, руководствуясь в том числе данным международно-правовым актом.

В деле *The Prosecutor v. Jean-Bosco Barayagwiza* суд закрепил, что когда нарушение прав обвиняемого признаётся «серьёзным и очевидным», то трибуналы имеют дискреционное право, основанное на так называемой доктрине злоупотребления процессом, «отказаться от юрисдикции» и, следовательно, закрыть дело.¹⁸⁴ Однако это представляет собой исключительную меру, и чаще всего применяются другие соразмерные средства правовой защиты, например, уменьшение срока вынесенного приговора или, в случае оправдания лица - компенсация.¹⁸⁵ Суд дал следующее пояснение в деле *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*: «Если нарушения прав обвиняемого таковы, что лишают его возможности защищать свои права, справедливое судебное разбирательство не может быть проведено, и разбирательство может быть приостановлено.»¹⁸⁶ Это вытекает из обязанности толковать и применять закон в соответствии с «международно-признанными правами человека» (Статья 20(4))¹⁸⁷.

Неотъемлемой частью судебного процесса в целом, и Международных уголовных трибуналов, в частности, является уважение прав человека с точки зрения международных договоров о правах человека, в частности ст. 6 Европейской конвенции о правах человека, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство. Данная статья закрепляет, что «Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное

---

¹⁸⁴Barayagwiza, ICTR A. Ch., 3 November 1999, para. 74 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. Mode of access:

http://www.worldcourts.com/icttr/eng/decisions/1999.11.03_Barayagwiza_v_Prosecutor.pdf.

¹⁸⁵Kajelijeli, ICTR A. Ch., 23 May 2005, paras. 206-320 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access:

http://www.worldcourts.com/icttr/eng/decisions/2005.05.23_Kajelijeli_v_Prosecutor.pdf.

¹⁸⁶Lubanga, ICC A. Ch., 14 December 2006, paras. 24, 34-5 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website Mode of access: <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=243774>.

¹⁸⁷Ibid.

разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».¹⁸⁸

Принципы публичности и открытости процесса нашли своё отражение в уставах МТБЮ, МУТР и МУС.¹⁸⁹ Принцип публичного слушания позволяет общественности контролировать судебные процессы и, таким образом, защищать суд от недобросовестности и произвольных действий. Уставы международных уголовных трибуналов предусматривают публичные слушания и вынесение судебного решения публично. Исключение: закрытые заседания разрешены по причинам общественного порядка или морали, безопасности или неразглашения личности защищаемой жертвы или свидетеля, а также защиты интересов правосудия. Статут МУС предусматривает два исключения: защита обвиняемых, потерпевших и свидетелей; и защита конфиденциальных доказательств¹⁹⁰. Так, судебная палата МУС в деле *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo* приняла на себя обязательство «очень тщательно исследовать каждый случай, когда предлагается отступить от принципа открытого правосудия»¹⁹¹.

Право на «справедливое судебное разбирательство» является общим принципом международного права. Существуют различные мнения относительно единого понимания значения данного принципа и его фактической реализации. МУТР, МТБЮ и МУС пришли к выводу, что это право распространяется как на защиту, так и на обвинение¹⁹². В МУС, где жертвы также имеют процессуальные права, концепция «справедливости» приобретает более сложный характер. Один из выдвинутых подходов заключается в том, что справедливость является актом балансирования,

---

¹⁸⁸Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003 // Бюллетень международных договоров. 2006. №10. С. 7-54.

¹⁸⁹Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

¹⁹⁰Там же.

¹⁹¹*Lubanga*, ICC A. Ch., 14 December 2006, Op. cit. paras. 24.

¹⁹²*Milutinović et al.*, ICTY T. Ch. 3. 30 August 2006, para. 10. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/milut/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.

установления равновесия между процессуальными правами всех участников¹⁹³. Согласно другой точки зрения, в этом вопросе необходимо провести различие между «общими правами», которые заключаются в предоставлении реальной возможности представить свою позицию по делу, и «особой справедливостью», которая предоставляет лицу, участвующему в судебном процессе, особые права¹⁹⁴. По нашему мнению, данное разделение не имеет практическую ценность, и особых прав трибуналы не предоставляют. Международный уголовный суд, тем не менее, признал, что право на справедливое судебное разбирательство в первую очередь относится к обвиняемому и защите¹⁹⁵.

Основополагающим элементом справедливого судебного разбирательства и общим принципом права является принцип равенства сторон. Этот принцип отличается от принципа равенства перед законом или недискриминации. Трибуналы применяют более либеральное толкование, чем национальные суды, из-за трудностей, с которыми сталкиваются стороны при сборе и получении доступа к доказательствам¹⁹⁶, но также устанавливают и ограничения. Судебный орган должен обеспечить, чтобы ни одна из сторон не ставила себя в невыгодное положение при представлении своего дела. Право обвиняемого иметь достаточно времени и возможности для подготовки защиты должно быть обеспечено в условиях, которые не ставят его или ее в "существенно невыгодное положение" по отношению к обвинению. Отметим, что это не подразумевает обеспечение паритета финансовых или личных ресурсов¹⁹⁷.

---

¹⁹³Situation in the DRC, ICC PTC I, 31 March 2006, para. 38, and references to ECtHR case law, para. 50. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2006_02899.PDF.

¹⁹⁴Kony et al. ICC PTC II, 10 July 2006 para. 24. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

¹⁹⁵Ibid.

¹⁹⁶Prosecutor v. Tadić, ICTY A. Ch., 15 July 1999, paras. 44 and 52. [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.

¹⁹⁷The Prosecutor V. Clément Kayishema and Obed Ruzindana, ICTR 01 June 2001 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website Mode of access: <http://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ict95-1/appeals-chamber-judgements/en/010601.pdf>.

МУС занимает аналогичную позицию. Тем не менее он принял ряд мер для сведения к минимуму неравных ресурсов¹⁹⁸.

Международные договоры о правах человека закрепляют гарантию независимости и беспристрастности суда. Одной из проблем международных уголовных судов является их зависимость от государств и международных организаций при осуществлении международного уголовного правосудия. Эта дилемма была описана в деле *The Prosecutor v. Jean-Bosco Barayagwiza* после приостановления правительством Руанды сотрудничества с МУТР. Важным является тот факт, что правительство осознавало, что большая часть доказательств, которые требовались Трибуналу, находилась в Руанде, однако, государство намеренно не предоставляло доказательства, но дело все равно было приостановлено.

Уставы МТБЮ и МУТР закрепляют принцип независимости трибуналов. Однако их статус как судебных учреждений, созданных Советом Безопасности ООН, вызывает сомнение в вопросе институциональной независимости¹⁹⁹. Отметим, что национальные суды также осуществляют исполнительные и законодательные полномочия, но это не исключает их независимости. МТБЮ и МУТР институционально и функционально независимы. Оба трибунала указали на законность своего создания²⁰⁰. Требование о беспристрастности также относится и к судье, который должен быть лично и институционально непричастным к делу²⁰¹. МУС является независимым договорным органом, и в его Уставе закреплена независимость и беспристрастность судей и Прокурора (и заместителей прокурора), а также право обвиняемого на «беспристрастное разбирательство дела»²⁰².

---

¹⁹⁸Lubanga, ICC A. Ch., 14 December 2006, paras. 24, 34-5 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=243774>.

¹⁹⁹Alvarez, J. E. Nuremberg Revisited: The Tadic Case / J. E. Alvarez // European Journal of International Law. 1993. № 1. С. 245.

²⁰⁰Tadić, ICTY A. Ch. 2, 15 July 1999, paras. 44 and 52. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.

²⁰¹Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] : принят в г. Лондоне 08.08.1945 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²⁰² Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

Неотъемлемой частью судебного разбирательства является его состязательный характер. Уставы МТБЮ и МУТР предполагают, что обвиняемый может выдвинуть собственную «версию защиты». В свою очередь, это требует отдельного расследования, проводимого защитой. Подобная модель применяется и в МУС. Данный принцип, в частности, обеспечивается помощью адвоката. Устав МТБЮ закрепил, что «в случае допроса подозреваемый имеет право пользоваться услугами избранного им адвоката, включая право на юридическую помощь, предоставляемую ему бесплатно, в том случае, когда он не располагает достаточными средствами для ее оплаты»²⁰³. Функции, касающиеся проверки квалификации и оказания помощи адвокатам, осуществляет Реестр, а палаты осуществляют надзор. Однако ответственность за обеспечение эффективного представительства в значительной степени лежит на адвокате, а ответственность за проверку и оценку качества представительства лежит на ответчике²⁰⁴.

В МТБЮ и МУТР интересы обвиняемых, как правило, представляются адвокатом, обычно назначаемым Трибуналом. Тем не менее присутствует проблема касательно самостоятельной защиты обвиняемым собственных интересов. Дело в том, суд не имеет права обязать должностное лицо пользоваться услугами адвоката. В качестве примера можно привести дело, в котором четыре политических лидера, которым МТБЮ предъявил обвинение, потребовали защищать себя лично, что вызвало дискуссию о том, может ли правовая помощь оказываться против воли обвиняемых. Обязательное представительство допускается в системах континентального права, но в отличие от практики в системах общего права это не означает, что обвиняемый лишен возможности активно участвовать в судебном процессе. Пытаясь сбалансировать права обвиняемого и необходимость обеспечения справедливого и оперативного разбирательства, МТБЮ принимал решения

---

²⁰³Milosevic, ICTY A. Ch.1 November 2004, paras 17-18. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: http://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/acdec/en/041101.htm.

²⁰⁴Milosevic, ICTY A. Ch. 1 November 2004, paras 17-18. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: http://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/acdec/en/041101.htm.

исходя из конкретных условий дела, а не руководствуясь определенными принципами разбирательства в вопросе защиты²⁰⁵. Как правило, Апелляционная камера отстаивает право на собственное представительство даже в случаях вопиющего насилия со стороны обвиняемого, утверждая, что это право может быть ограничено только в минимальной степени, необходимой для обеспечения разумного ускорения разбирательства»²⁰⁶. Однако право на самостоятельную защиту обвиняемым своих интересов не является абсолютным, и иногда адвокат назначается судом вне зависимости от мнения обвиняемого²⁰⁷. Участие адвоката в некоторых случаях необходимо, поскольку знания обвиняемого могут ограничивать возможности для обеспечения справедливого судебного разбирательства и, таким образом, подрывать доверие общественности к процессуальному праву и уважение к нему. Такой подход имеет своих критиков²⁰⁸, но другие авторы утверждают, что представительство адвокатом является нормой и, следовательно, должна применяться презумпция против самопредставления.²⁰⁹ Мы согласны с первой точкой зрения и считаем, что участие адвоката не нарушает права обвиняемого, а, наоборот, позволяет наилучшим образом выстроить защиту в процессе рассмотрения дела.

Статут МУС предусматривает право на юридическое представительство по усмотрению подозреваемого или обвиняемого и, при необходимости, бесплатно²¹⁰. Как и в трибуналах, Секретарь должен составить и вести список адвокатов, из которых должен быть выбран адвокат. Однако Правила также позволяют выбрать адвоката, не включенного в список, если этот адвокат отвечает необходимым требованиям и желает этого²¹¹. До сих пор все подозреваемые и обвиняемые, которые предстали перед МУС, имели

---

²⁰⁵Ibid.

²⁰⁶Ibid.

²⁰⁷Ibid.

²⁰⁸Tuinstra, J. The ICTY's Continuing Struggle with the Right to Self-representation / J. Tuinstra // The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia : legal articles / Oxford Scholarship Online. Oxford, 2011. P. 348.

²⁰⁹Boas G. Self-Representation before the ICTY: A Case for Reform // Journal of International Criminal Justice. 2010. Т. 9. № 1. С. 63.

²¹⁰Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

²¹¹Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

представителей, и проблема личного представительства еще не возникала. Кроме того, МУС создал систему, представляющую государственного адвоката защиты для оказания помощи на самых ранних этапах расследования²¹². Такой адвокат может быть назначен из списка или из независимой канцелярии государственного адвоката защиты.

Еще одним основополагающим принципом, изложенным в документах по правам человека, является принцип презумпции невиновности, который заключается в том, что обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана согласно закону. В Уставах трибуналов по Югославии и Руанде этот принцип применим только к «обвиняемому»²¹³. Статут МУС предоставляет это право «каждому», и эта формулировка, несмотря на положение, содержащееся в части, касающейся судебных процессов, может указывать на то, что она имеет общее применение²¹⁴.

Презумпция невиновности включает в себя несколько составляющих. Например, у лица есть право хранить молчание, он не обязан признавать свою вину, что применимо на протяжении всего разбирательства. Если говорить о трибуналах, то это право предоставляется «подозреваемым» в МТБЮ и МУТР и в целом в МУС.²¹⁵ Молчание не может быть использовано в качестве доказательства вины. Также презумпция невиновности проявляется следующим образом: обвиняемый, отказывающийся выразить мнение относительно своей вины или невиновности, не может считаться лицом, которое признало свою вину.

Считаем важным отметить то, что обвинение должно доказать вину подсудимого, и в случае сомнений обвиняемый должен быть признан

---

²¹²Ibid.

²¹³Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс]: принят в г. Лондоне 08.08.1945 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

²¹⁴Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701>.

²¹⁵Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701>.

невиновным²¹⁶. Таким образом, прокурор несет бремя доказывания. Национальные суды используют разные подходы в отношении объема бремени доказывания прокурора. В общем стандарт доказывания заключается в том, что вина должна быть доказана «вне разумных сомнений». Если говорить о системе континентального права, вина представляет собой «внутреннее убеждение судьи». МТБЮ и МУТР сами придерживаются подхода, в соответствии с которым обвинитель должен доказывать вину «вне всякого разумного сомнения»²¹⁷, но бремя защиты лежит на обвиняемом²¹⁸. Несмотря на внутренние разногласия, государства согласились с тем, что в Статуте МУС должна быть установлена обязанность Прокурора и стандарт доказывания в виде «вне разумного сомнения» для вынесения обвинительного приговора, но также и право обвиняемого «не навязывать ему обязанности доказывать свою невиновность»²¹⁹.

Таким образом, можно отметить, что порядок рассмотрения дел в трибуналах и международном уголовном суде различается в том плане, что МУС предлагает инквизиторскую форму рассмотрения с более свободным порядком рассмотрения доказательств. Трибуналы имеют своей целью защиту прав обвиняемого, о чем свидетельствует возможность органа либо отказаться от рассмотрения дела, либо приостановить его рассмотрение. Все трибуналы удовлетворяют требованию публичности судебного разбирательства. Право на справедливое судебное разбирательство распространяется как на защиту, так и на обвинение. Разделение прав на «общие» и «особые» не представляется целесообразным. Принцип равенства сторон защищает сторону от того, чтобы она не оказалась в невыгодном положении по отношению к обвинению, но не обеспечивает паритета финансовых возможностей. Трибуналы соблюдают

---

²¹⁶Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

²¹⁷Там же.

²¹⁸Zigiranyirazo, ICTR A. Ch., 16 November 2009, paras. 17-18 [Electronic resource] // United Nations International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. Mode of access: <http://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ict-01-73/appeals-chamber-judgements/en/091116.pdf>.

²¹⁹Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

принцип независимости и беспристрастности суда, но, на практике данный принцип нарушался из-за политической ситуации в стране, должностные лица которой привлекались к ответственности. Состязательный характер судебного разбирательства предполагает то, что лицо может выдвинуть собственную версию защиты, а также получить помощь от адвоката, который обладает особой квалификацией. Назначение должностному лицу адвоката трибуналом не нарушает его права на справедливое судебное разбирательство. В трибуналах соблюдается принцип презумпции невиновности, прокурор несет бремя доказывания, бремя защиты лежит на обвиняемом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная ответственность представляет собой личностную характеристику человека, которая включает в себя способность лица должным образом проводить анализ ситуации, которая сложилась в данный момент в обществе, и предвидеть последствия за действия или бездействие заранее. Понятие социальной ответственности включает в себя возможность лица определять то, каким образом поступить в той или иной ситуации и готовность принять последствия выбора, как свершившиеся факты действительности, а также в случае наступления неблагоприятных последствий иметь волю претерпеть предусмотренные санкции, которые включают в себя санкции безопасности, восстановления (компенсации) и наказания. Юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и ее реализация. Позитивная и негативная юридическая ответственность предполагают наличие обязанности лица. В негативной юридической ответственности обязанность носит дополнительный и обязательный характер, в позитивной – основной и добровольный. Анализ международных норм и национального законодательства позволяет утверждать, что позитивная и негативная юридическая ответственность есть формы реализации юридической ответственности в целом. В случае привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления преобладает именно негативная (ретроспективная) юридическая ответственность, так как факт совершения преступления предполагает

ретроспективный характер действий лица. Наказание представляет собой форму реализации юридической ответственности.

Во-вторых, мы полагаем, что признак нормативной обособленности не является определяющим при выделении тех или иных норм в качестве института права. Применение общеправового метода к тому или иному виду правоотношений не определяет институт права, так как ключевым является непосредственно сам характер данных правоотношений. Классификация, разделяющая правовые институты на учредительные, регулятивные и охранительные не применима в современных реалиях, так как урегулирование того или иного вида общественных отношений при помощи правового института только одного вида не представляется возможным. Предмет правового регулирования института юридической ответственности составляют правовые отношения, возникающие из правонарушений. Субинститут существует в рамках института. Институт права, содержащий субинституты, регулирует некоторые общие положения, а субинститут занимается регулированием определённой специфики отношений в рамках определённого института. Представляется верным рассматривать нормативные регулятивные средства, в том числе нормы права и нормативные обобщения, касающиеся юридической ответственности должностных лиц государств за международные преступления, в качестве субинститута, входящего в межотраслевой институт юридической ответственности в целом.

В-третьих, мы считаем, что в рамках субинститута юридической ответственности должностных лиц за международные преступления представляется верным говорить о сочетании целей устрашения и возмездия. Применение более сурового наказания к должностным лицам является необходимым, учитывая статус привлекаемых к юридической ответственности лиц. Масштаб причиненного вреда, многочисленные человеческие жертвы и другие многочисленные негативные последствия не смогут оправдаться лишь целью возмездия, так как пожизненное заключение или смертная казнь должностного лица, совершившего преступления подобного рода

преступления, не загладит причинённый вред в любом случае. Возмездие в рамках рассмотрения дел международными трибуналами и Международным уголовным судом есть необходимое выражение возмущения международного сообщества к совершённым преступлениям, признанием вреда, который был причинен потерпевшим. Возмездие представляет собой чёткую позицию международного сообщества, согласно которой преступники будут наказаны, и безнаказанность не восторжествует.

В-четвёртых, наделение персональным иммунитетом только глав государств, глав министерств внутренних дел и правительств, не представляется верным, так как это нарушает принципы международного права. Представляется верным ввести следующие международные критерии, позволяющие определить субъектов персонального иммунитета: высокий ранг; участие в представительстве государства в сфере международных отношений, предполагающее въезд должностного лица на территорию иностранного государства; выполнение должностным лицом функций, связанных с охраной суверенитета и безопасности государства. В зависимости от субъектного состава, обоснованным является разграничение иммунитетов на иммунитеты *ratione personae* и *ratione materiae*.

В-пятых, будучи субъектами привлечения к юридической ответственности, международные уголовные трибуналы выстраивают свою деятельность на основе различных принципов юрисдикции. Устав Нюрнбергского трибунала предполагает исключительную юрисдикцию суда над главными преступниками и юрисдикцию национальных судов в отношении других лиц, юрисдикция МУС и национальных судов основана на принципе комплементарности, юрисдикция других судов *ad hoc* – на принципе «параллельной юрисдикции». Под наднациональностью, которой должны обладать трибуналы, понимается совокупность полномочий организации, которая была передана государствами.

В-шестых, отметим, что порядок рассмотрения дел в международных уголовных трибуналах и Международном уголовном суде различается в том

плане, что МУС предлагает инквизиторскую форму рассмотрения с более свободным порядком рассмотрения доказательств. Трибуналы имеют своей целью защиту прав обвиняемого, о чем свидетельствует возможность органа либо отказаться от рассмотрения дела, либо приостановить его рассмотрение. Все трибуналы удовлетворяют требованию публичности судебного разбирательства. Право на справедливое судебное разбирательство распространяется как на защиту, так и на обвинение. Разделение прав на «общие» и «особые» не представляется целесообразным. Принцип равенства сторон защищает сторону от того, чтобы она не оказалась в невыгодном положении по отношению к обвинению, но не обеспечивает паритета финансовых возможностей. Трибуналы соблюдают принцип независимости и беспристрастности суда, но, на практике данный принцип нарушался из-за политической ситуации в стране, должностные лица которой привлекались к ответственности. Состязательный характер судебного разбирательства предполагает то, что лицо может выдвинуть собственную версию защиты, а также получить помощь от адвоката, который обладает особой квалификацией. Назначение должностному лицу адвоката трибуналом не нарушает его права на справедливое судебное разбирательство. В трибуналах соблюдается принцип презумпции невиновности, прокурор несет бремя доказывания, бремя защиты лежит на обвиняемом.

Перспективы разработки темы диссертационной работы связаны с дальнейшим анализом работы Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов, созданного для исполнения основных функций Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде, формирование эмпирической базы для дальнейшего исследования проблемы теории и практики привлечения к юридической ответственности должностных лиц за международные преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон Российской Федерации от 16 янв.1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 06 фев.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июн.1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 30 дек.2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек.
5. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 08 дек. 2020 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 31 дек.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.
7. Устав Организации Объединенных Наций (принят 26 июня 1945 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 12. – Москва. – 1956. – С. 14 – 47.
8. Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: принята Организацией американских государств 29 марта 1996 г. // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. – № 2. – 2005. – С. 3-33.

10. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят 17 июля 1998 г. // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12118701/>.

11. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. – Москва: БЕК, – 1996. – С. 101-102.

12. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии [Электронный ресурс]: принят 25 мая 1993 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Устав Международного трибунала по Руанде [Электронный ресурс]: принят в 1994 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901960>.

14. Устав Специального суда по Сьерра-Леоне [Электронный ресурс]: принят 16 января 2002 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/charter_sierra.pdf.

15. Устав Специального трибунала по Ливану [Электронный ресурс]: принят в 2007 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/special_tribuna_llebanon.pdf.

16. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] :

принят в г. Лондоне 08.08.1945 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

17. Предварительный доклад [Электронный ресурс]: Док. ООН A/CN.4/601 принят в 2008 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp9.pdf>.

18. Rules of Procedure and Evidence [Electronic resource] // International criminal court Official Website. – Mode of access: <https://www.icc-cpi.int/>.

19. Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <http://www.icty.org/sid/136>.

20. Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for Rwanda [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. – Mode of access: <https://www.google.com/search?q=rules+of+procedure+and+evidence+of+the+international+tribunal+for+rwanda&oq=Rules+of+Procedure+and+Evidence+of+rwa&aqs=chrome.69i57j0l2.5336j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8#>.

Судебная практика

21. Decision of the Swiss Federal Criminal Court [Electronic resource] : File № BB.2011.140 dated 25 July 2012 // Asser Institute Official Website. – Mode of access : http://www.asser.nl/upload/documents/20130221T040104-Nezzar_Judgm_Eng_translation%2025-07-2012.pdf.

22. Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Appeals Chamber, Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997, 29 October 1997 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <http://www.icty.org/case/blaskic/4>.

23. The Prosecutor V. Clement Kayishema and Obed Ruzindana, ICTR 01 June 2001 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. – Mode of access: <http://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-95-1/appeals-chamber-judgements/en/010601.pdf>.

24. Re Bo Xilai, England, Bow Street Magistrates' Court, Judgment of 8 November 2005 [Electronic resource] // Oxford Public International Law. – Mode of access: [https://opil.ouplaw.com/oxlaw/entryview/viewoxlawoxchap/10.1093\\$002flaw:ildc\\$002f429uk05.case.1\\$002flaw-ildc-429uk05](https://opil.ouplaw.com/oxlaw/entryview/viewoxlawoxchap/10.1093$002flaw:ildc$002f429uk05.case.1$002flaw-ildc-429uk05).

25. District Court (Bow Street), Re General Shaul Mofaz, Judgment of 12 February 2004 [Electronic resource] // Google books Official Website. – Mode of access: [https://books.google.ru/books?id=iZ9DwAAQBAJ&pg=PR18&lpg=PR18&dq=District+ Court+\(Bow+Street\),+Re+General+Shaul+Mofaz](https://books.google.ru/books?id=iZ9DwAAQBAJ&pg=PR18&lpg=PR18&dq=District+ Court+(Bow+Street),+Re+General+Shaul+Mofaz).

26. Regina v. Bartle and the Commissioner of Police for the Metropolis and Others Ex Parte Pinochet: Judgment of 24 March 1999 [Electronic resource] // House of Lords of the United Kingdom. – Mode of access: <https://www.publications.parliament.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pino1.htm>.

27. Prosecutor v. Tadić, ICTY A. Ch., 15 July 1999 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.

28. Barayagwiza, ICTR A. Ch., 3 November 1999, para. 74 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. – Mode of access: http://www.worldcourts.com/ictr/eng/decisions/1999.11.03_Barayagwiza_v_Prosecutor.pdf.

29. Prosecutor v. Tadić ICTY A. Ch. 26.1.2000 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-asj000126e.pdf>.

30. Prosecutor v. Zlatko Aleksovski ICTY A. Ch. 24.3.2000 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/aleksovski/acjug/en/ale-asj000324e.pdf>.

31. Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002 [Electronic resource] // International criminal court Official Website. – Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-05-EN.pdf>.

32. Prosecutor v. Todorovic', ICTY T. Ch. I 31.7.2001 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/todorovic/tjug/en/tod-tj010731e.pdf>.

33. Prosecutor v. Momir Nikolic' ICTY T. Ch. 2.12.2003 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/nikolic/tjug/en/mnik-sj031202-e.pdf>.

34. Milosevic, ICTY A. Ch., 1 November 2004 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. – Mode of access: http://www.icty.org/x/cases/slobodan_milosevic/acdec/en/041101.htm.

35. Kajelijeli, ICTR A. Ch., 23 May 2005 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: http://www.worldcourts.com/ictr/eng/decisions/2005.05.23_Kajelijeli_v_Prosecutor.pdf.

36. Situation in the DRC, ICC PTC 1, 31 March 2006 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website – Mode of access: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2006_02899.PDF.

37. Kony et al. ICC PTC II, 10 July 2006 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <https://www.icc-cpi.int>.

38. Milutinović et al., ICTY T. Ch. III. 30 August 2006 [Electronic resource] // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia Official Website. – Mode of access: <http://www.icty.org/x/cases/milut/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>.

39. Lubanga, ICC A. Ch., 14 December 2006 [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. – Mode of access: <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=243774>.

40. Zigiranyirazo, ICTR A. Ch., 16 November 2009 [Electronic resource] // United Nations International Criminal Tribunal for Rwanda Official Website. – Mode of access: <http://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-01-73/appeals-chamber-judgements/en/091116.pdf>.

Специальная литература

Источники на русском языке

41. Алексеев, С. С. Собрание сочинений в 10-и томах. Структура советского права. – Москва : Статус, 2010. – Т. 2. – 781 с.

42. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. – 832 с.

43. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов : СГАП, 2001. – 250 с.

44. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) : монография / М. И. Байтин. – Саратов, 2005. – 416 с.

45. Бондарев, А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права : монография / А. С. Бондарев. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 187 с.

46. Велиев, С. А. Принципы назначения наказания : монография / С. А. Велиев. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 388 с.

47. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель ; переводчик Б. Г. Столпнер. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 292 с.

48. Глотова, С. В. Иммуниеты должностных лиц государства и ответственность за международные преступления: международное и национальное право / С. В. Глотова // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 127-135.
49. Дембо, Л. И. О принципах построения системы права / Л. И. Дембо // Советское государство и право. – 1956. – № 8. – С. 85-93.
50. Джалилова, Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е. А. Джалилова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2018. – № 2. – С. 22-31.
51. Бакарджиев, Я. В. Концепции двуединого понимания юридической ответственности: авторские подходы / Я. В. Бакарджиев, И. А. Кузьмин // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2016. – № 2. – С. 21-27.
52. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва: Юристъ, 2004. – 245 с.
53. Червонюк, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. – Москва: ИНФРА-М, – 2006. – 704 с.
54. Доклад Комиссии международного права о работе её шестьдесят пятой сессии (6 мая–7 июня и 8 июля–9 августа 2013 года) [Электронный ресурс] // Ежегодник комиссии международного права. – Режим доступа: <http://legal.un.org>.
55. Ерзнкян, Б. А. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов / Б. А. Ерзнкян // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). – 2012. – № 20. – С. 27-45.
56. Жижиленко, А. А. Наказание : его понятие и отличие от других правоохранительных средств : монография / А. А. Жижиленко. – Петроград : Правда, 1914. – 686 с.
57. Жукова, Н. А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: дис. ...

канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Жукова Наталья Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2003. – 186 С.

58. Зарапина, Л. В. О понятии «Отрасль права» и системообразующих признаках отрасли права / Л. В. Зарапина // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2017. – № 3. – С. 114–118.

59. Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. – Москва, 1968. – С. 45-60.

60. Кант, И. Сочинения в шести томах / Ред.: В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Москва : Мысль, 1965. – С. 478.

61. Каюмова А. Р. Механизм позитивной комплементарности в современной практике международного уголовного суда / А. Р. Каюмова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – № 3. – С. 38-45.

62. Каюмова, А. Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции / А. Р. Каюмова // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 82–90.

63. Каюмова, А. Р. Иммунитеты должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции: понятие, виды, кодификация/ А. Р. Каюмова // Библиотека криминалиста : научный журнал / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Москва, 2015. – № 6. – С. 283-289.

64. Киримова, Е. А. Правовой институт. (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киримова Елена Андреевна. – Саратов, 1998. – 23 с.

65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва, 2012. – 1359 с.

66. Концепции двуединого понимания юридической ответственности: авторские подходы // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2016. – № 2. – С. 21-27.

67. Кордюкова, Е. С. Субъекты персонального иммунитета в международном праве / Е. С. Кордюкова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 2. – С. 11-17.
68. Корсаков, К. В. Принципы и цели уголовного наказания в рамках абсолютных пенологических доктрин / К. В. Корсаков // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. № 3. – С. 65-67.
69. Костенко, М. Л. К вопросу о наднациональности и особенностях права ЕС / М.Л. Костенко, Н. В. Лавренова // Европейская интеграция: правовые проблемы. – Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1992. – С. 41-44.
70. Кузнецов, А. П. Дефиниция «должностное лицо» в международном праве и российском законодательстве / А. П. Кузнецов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 272 – 281.
71. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву : монография / О. Э. Лейст. – Москва : Издательство Московского университета, 1981. – 240 с.
72. Липинский, Д. А. Общая теория юридической ответственности. дис. ... д-ра юрид. наук. : 12.00.01 / Липинский Дмитрий Анатольевич. – Самара. – 2004. – 487 с.
73. Липинский, Д. А. Понятие юридической ответственности // юридическая ответственность: история и современность: монография / А. А. Гогин и др. отв. ред. Д. А. Липинский. – Тольятти : ТГУ, 2002. – 400 с.
74. Лисанюк, Е. Н. Ответственность и идентичность субъекта // Субъективность и идентичность / Отв. ред. А.В. Михайловский. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 271-277.
75. Лист, Ф. Учебник уголовного права : Общая часть : учебник / Ф. Лист. – Москва: Типография А. И. Мамонтова, – 1903. – 358 с.
76. Локк, Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I / Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1985. – 621 с.

77. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра : авторский сборник / Н. О. Лосский. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата – Белорусской Православной Церкви, 2011. – 528 с.
78. Матузов, Н. И. Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов, А. А. Воротников, В. Л. Кулапов ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юр. Норма, 2017. – 640 с.
79. Мезяев, А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале : записки из зала суда / А. Б. Мезяев. – Казань : Титул-Казань, 2006. – 399 с.
80. Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Мироненко Михаил Борисович. – Саратов, 2001. – 23 с.
81. Моисеев, А. А. Суверенитет государства в международном праве: учебное пособие / А. А. Моисеев. – Москва: Восток-Запад, 2009. – 384 с.
82. Морхат, П. М. Принципы права: нравственное содержание / П. М. Морхат // Гражданин и право. – 2007. – № 10. – С. 15-26.
83. Носков, С. А. О понятии института юридической ответственности / С. А. Носков // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 13-19.
84. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – Москва : Юрист, 2007. – 575 с.
85. Оппенгейм, Л. Международное право / Л. Оппенгейм. – Москва : Государственное издательство иностранной литературы, 1948. – 408 с.
86. Орехов, И. В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее / И. В. Орехов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 3. – С. 51-55.
87. Петров, Д. Е. Отрасль права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Петров Дмитрий Евгеньевич. – Саратов, 2001. – 205 с.
88. Пилипенко, Е. А. Система российского права : структурно-сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пилипенко Евгений Александрович. – Ростов на Дону, 2003. – 179 с.

89. Познышев, С. В. Основные вопросы учения о наказании / С. В. Познышев // Ученые записки имперского университета. Юридического факультета. – Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1904. – 447 с.

90. Право интеллектуальной собственности. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – Москва : Статут, – 2017. – 512 с.

91. Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий и автобиографий : в 4 т. / ред. В. М. Сырых. – Москва : РГУП, 2015. – Т. 3 – 1056 с.

92. Пьянов, Н. А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск, – 2005. – 583 с.

93. Репетева, О. Е. Юридическая ответственность в сфере трудовых отношений как межотраслевой институт права / О. Е. Репетева, Д. А. Липинский // *Advances in Law Studies*. – 2016. – № 3 – С. 80–85.

94. Романова, В. В. Юридическая ответственность государства / В. В. Романова // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2016. – № 3. – С. 23-30.

95. Русских, В. В. Справедливость как принцип юридической ответственности / В. В. Русских // *Философия права*. – 2019. – № 2. – С. 183-187.

96. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции в 2-х томах / Таганцев Н. С. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. – Т. 2. – 656 с.

97. Сафаров, Н. А. Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели / Н. А. Сафаров // *Международное уголовное правосудие: Современные проблемы* / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. – Москва, 2009. – С. 89-107.

98. Смоленский, М. Б. Теория государства и права. / М. Б. Смоленский, Г. А. Борисов. – Москва : Феникс, 2012. – 400 с.

99. Спиркин, А. Г. Сознание и Самосознание : монография / А. Г. Спиркин. – Москва: Издательство политической литературы, 1972. – 304 с.

100. Степин, В. С. Новая философская энциклопедия из 4 книг. Книга 3. / В. Степин, А. Гусейнов. – Москва: Мысль, 2010. – 744 с.
101. Тархов, В. А. Понятие юридической ответственности / В. А. Тархов // Правоведение. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – № 2. – С. 33-40.
102. Толстухин, А. Э. О наднациональном характере Европейского Союза / А. Э. Толстухин // Московский журнал международного права, 1997. – № 4. – С. 3-10.
103. Трофимова, М. П. Функции юридической ответственности. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 / Трофимова Марина Павловна. – Саратов. – 2000. – 209 с.
104. Тугаринов, В. П. Личность и общество: монография / В. П. Тугаринов. – Москва : Мысль, 1965. – 191 с.
105. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – Москва: Зерцало-М, 2019. – 416 с.
106. Фещенко, А. С. Явление наднациональности в деятельности международных организаций / А.С. Фещенко // Советский Ежегодник международного права 1987. – Москва, Изд-во «Наука», 1988. № 4. – С. 159-171.
107. Хачатуров, Р. Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 950 с.
108. Хачатуров, Р. Л. Юридическая ответственность: монография / Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Агютян. – Тольятти, 1995. – 196 с.
109. Цишковский, Е. А. Юридическая ответственность в правомерном поведении / Е. А. Цишковский // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2009. – № 4. – С. 4-14.
110. Цюрина, Н. В. Юридическая ответственность как институт права / Н. В. Цюрина // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1. – С. 29-34.
111. Червонюк, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. – Москва: ИНФРА-М, 2006. – 704 с.

112. Черниченко, С. В. Теория международного права. Старые и новые теоретические проблемы. / С. В. Черниченко. – Москва : НИМП, 1999. – 531 с.
113. Чирков, А. П. Ответственность в системе права : учеб. пособие. / А. П. Чирков. – Калининград, 1996. – 76 с.
114. Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 61–67.

Источники на иностранном языке

115. Akande D. Immunities of state officials, international crimes, and foreign domestic courts/ D. Akande, S. Shah // European Journal of International Law. – 2010. – Т. 21. – № 4. – С. 815-852.
116. Alvarez, J. E. Nuremberg Revisited: The Tadic Case / J. E. Alvarez // European Journal of International Law. – 1993. – № 1. – С. 245-246.
117. Boas, G. Self-Representation before the ICTY: A Case for Reform // Journal of International Criminal Justice. – 2010. – Т. 9. – № 1. – С. 53-83.
118. Cryer, R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Friman, H., Robinson, D., Wilmshurst, E. // Cambridge University Press. – 2016. – 686 p.
119. Dissenting opinion of Judge ad hoc van den Wyngaert. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. – Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-09-EN.pdf>.
120. Dissenting opinion of Judge Al-Khasawneh [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. – Mode of access : <http://www.icj-cij.org/files/case-related/90/090-20031106-JUD-01-06-EN.pdf>.
121. Duff, A. Introduction: Thinking about punishment / A. Duff, D. Garland // A reader on punishment. – 1994. – P. 1-43.
122. Essays on the Rome Statute of the International Criminal Court: legal anthology / Acquista ; ed. P. Benvenuti F. Lattanzi, W. Schabas. – Ripa Fagnano Alto: Fonte di Sotto, 1999. – 519 p.

123. Farer, T. J. Restraining the barbarians: Can International criminal law help // *Hum. Rts. Q.* – 2000. – T. 22. – C. 90.
124. Ferencz, B. B. An International Criminal Code and Court: Where They Stand and Where They're Going / B. B. Ferencz // *Columbia Journal of Transnational Law.* – 1992. – P. 375-399.
125. Harhoff, F. Sense and Sensibility in Sentencing-Taking stock of international criminal punishment / F. Harhoff // *Law at War: The Law as it Was and the Law as it Should Be.* – 2008. – P. 133-152.
126. Hart, H. L. Punishment and responsibility: Essays in the philosophy of law / H. L. Hart. – Oxford : Oxford University Press, 1968. – 277 p.
127. Joint Separate Opinion of Judges Higgins, Kooijmans and Buergenthal. [Electronic resource] // International Criminal Court Official Website. – Mode of access: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-05-EN.pdf>.
128. Köchler H. Universal Jurisdiction and International Power Politics: Ideal versus Real. – Istanbul: Yeditepe'de Felsefe, 2006. – P. 1–20.
129. Osiel, M. J. Why Prosecute-critics of Punishment for Mass Atrocity / M. J. Osiel // *Human Rights Quarterly.* – 2000. – P. 118-143.
130. Roach, S. 'Justice of the Peace? Future Challenges and Prospects for a Cosmopolitan Court' in Stephen Roach (ed.), *Governance, Order and the International Criminal Court : monograph* / S. Roach. – Oxford: OUP Oxford, 2009. – 302 p.
131. Ryngaert, C. Horizontal Complementary Jurisdiction of Bystander States in the Prosecution of International Crimes under the Universality Principle // *Leuven Centre for Global Governance Studies.* – 2010. – P. 1–30.
132. Schabas, W.A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone : monograph / W. A. Schabas. – Liverpool : Liverpool Law Review, 2008. – 766 p.
133. The Collected Works of Jeremy Bentham: deontology / Oxford : Oxford University Press, 1983. – 456 P.

134. Tuinstra, J. The ICTY's Continuing Struggle with the Right to Self-representation / J. Tuinstra // The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia : legal articles / Oxford Scholarship Online. – Oxford, 2011. – P. 345-376.

135. Williams, P. R. Peace with justice?: War crimes and accountability in the former Yugoslavia. / P. R. Williams, M. P. Scharf. Maryland : Rowman & Littlefield, 2002. – 299 p.

136. Wippman D. Atrocities, deterrence, and the limits of international justice / D. Wippman // Genocide and Human Rights: collected papers / T. Campbell, M. Lattimer. – London, 2007. – Ch. 18. – 596 P.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
Юридический институт

кафедра Теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

А. А. Астальцев
подпись   инициалы, фамилия

«7» июня 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Теория и практика привлечения к ответственности
должностных лиц за международные преступления

тема

40.04.01 Юриспруденция

код и наименование направления

40.04.01.10 Технологии профессиональной юридической деятельности

код и наименование магистерской программы

Научный руководитель

И. Д. Мишина
подпись, дата

к.ю.н., доцент
должность, ученая степень

И. Д. Мишина
инициалы, фамилия

Выпускник

А. А. Астальцев
подпись, дата

А. А. Астальцев
инициалы, фамилия

Рецензент

В. О. Выборова
подпись, дата

должность, ученая степень

В. О. Выборова
инициалы, фамилия

Красноярск 2021